

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

ПЕРВЫЙ

Юлия Резник

Первый

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Похищена внебрачная дочь президента. Освободить заложницу поручено сверхсекретной группе спецназа под руководством майора Богданова. Казалось бы – ничего нового. И не с таким справлялись. Но операция неожиданно оказывается под угрозой, когда он по уши влюбляется в ту, кого любить не имеет права.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	65
Глава 8	75
Глава 9	85
Глава 10	95
Глава 11	106
Глава 12	116
Глава 13	126
Глава 14	136
Глава 15	146
Глава 16	157
Глава 17	167

Юлия Резник

Первый

Глава 1

– Первый, вас вызывают.

Демьян вскочил на ноги. Обвел взглядом членов группы, как придется расположившихся на полу, и, ни слова им не сказав, двинулся вслед за командиром военной базы. Прошло несколько часов с тех пор, как его секретное подразделение с успехом завершило очередную миссию. Борт первого лица, чью безопасность они обеспечивали, покинул беспокойное ближневосточное небо и, по прикидкам Демьяна, уже вошел в воздушное пространство Европы. А команды возвращаться все не было. Заведенные до предела бойцы маялись от безделья. Воздух в тесной комнатухе вибрировал от скопившегося в нем напряжения. Допустимый уровень тестостерона зашкаливал. Мужикам нужно было срочно выпустить пар. Обычное дело, учитывая специфику их работы.

Командир препроводил Демьяна по запутанной сети коридоров к двери в тупике штаба, а уже у неё заметил:

– Здесь я вас оставляю.

Он, конечно, пытался держать лицо, чтобы не показать Демьяну своего любопытства. И ему почти удавалось. По-

чти... Первый сощурился, резанул острым как бритва взглядом по вмиг побелевшей физиономии командира и уверенно толкнул обитую нержавеющей дверью. Прежде чем войти, огляделся. Ничего особенного в обстановке кабинета не было. Стол, заваленный бумагами, несколько телефонных аппаратов, подключенных к защищённому каналу связи, и изрядно потрепанный книжный шкаф. Вот и все богатство. Негусто. В свете, льющемся из узкого окна под потолком, кружила пыль. Пыль забивалась в легкие, пыль скрипела на зубах и оседала на взмокшей от жары коже, образуя на ней рыжеватую маслянистую пленку. Так только в пустыне бывает. Эти ощущения ни с чем не спутать. Недаром он терпеть не мог работать в этих краях.

Демьян шагнул внутрь кабинета. Плотно прикрыл за собой дверь и взял лежащую на столе трубку. Он понимал, что ничего хорошего не услышит. То, что командир базы уступил ему свой кабинет, могло свидетельствовать лишь об одном. Случилось нечто такое, о чем ему самому знать не следовало. И вряд ли это «нечто» касалось приказа возвращаться домой. Демьян это чувствовал кожей.

– Первый на связи, – отчеканил он. Ему тут же ответили. Вслушиваясь в слова командира, главный группы все сильнее мрачнел. Но своей тревоги не показывал. Лишь уточнял кое-какие моменты по ходу, когда голос на том конце связи стихал.

Конечно, Демьяну было не привыкать участвовать в опе-

рациях, о которых никто и никогда не узнает. В этом, собственно, и заключалась главная миссия любой секретной группы. Не зря же в их состав обычно входили прекрасно обученные бойцы, с огромным опытом в разведке, борьбе с террористами, ликвидации вражеских линий снабжения и обнаружении слабых мест противника. Но любая операция требовала времени на подготовку, сбор и анализ данных. Тогда как прямо сейчас ему говорили, что времени на это попросту нет.

– Фото заложницы вам уже выслали.

Демьян открыл файл. И удивленно приподнял брови.

– Кому нужна эта девчонка?

Тут он, бесспорно, ступал на тонкий лед. Подобные вопросы задавать было не принято. Он бы и не стал, не будь ситуация такой... дерьмовой. Информации было ничтожно мало. И это ставило под угрозу не только саму операцию по освобождению девицы, но и его людей.

А ко всему... Он ведь не преувеличивал. Девчонкой заложница и была. Еще по-детски округлое лицо, густые выгоревшие на солнце брови. Голубые глаза. Пухлые губы, которые она отчего-то недовольно поджала. Если бы не сиськи, натянувшие там, где надо, трикотажную защитного цвета майку, Демьян бы решил, что ей лет двенадцать – не больше.

– Девчонка на фото – дочь президента. Этой информации достаточно, боец? – раздался в трубке еще один голос. Узнав который, Демьян с трудом подавил желание выругаться в го-

лос.

– Так точно, товарищ главнокомандующий, – резко чекая слог, выдал он, как то и было положено. А про себя все же чертыхнулся. Только этого дерьма ему и не хватало для полного счастья. Дочь президента! Какого хрена? Нет, конечно, в определенных кругах ходил слух о его двойной жизни, но... Дочь. Дочь, твою же бабушку. Интересно, чем похитителям не угодили его сыновья? Те сыновья, что значились эм... так сказать, в официальной, чистой и прозрачной как слеза биографии первого лица. С пацанами, глядишь, меньше проблем возникло бы.

– Надеюсь, вам не нужно объяснять, как важно вернуть Алину до того, как начнутся переговоры о поставках вооружения в О*?

– Так точно, товарищ главнокомандующий, не нужно!

– Тогда выполняй.

– Есть.

Легко сказать. Выполняй. А ведь им нужно пробраться на территорию другого государства, преодолеть несколько десятков километров в песках и внести в город такое количество оружия, что его хватило бы на маленькую армию. Собственно, по эффективности восемь его бойцов маленькой армии и равнялись. Да только девчонка теперь охранялась тоже нехило. И даже им будет не так-то легко до нее добратся. К тому же любой нормальный боец понимал, что попасть куда-то гораздо проще, чем оттуда убраться. Желательно на

своих двоих. И без потерь. В этом и заключался фокус.

Демьян выгрузил себе имеющиеся в распоряжении разведки данные. На практике он почти никогда не полагался на сведения, которые не имел возможности перепроверить. Но в текущей ситуации у него, похоже, выбора не осталось. Первый не питал иллюзий и прекрасно понимал, что это делало предстоящую операцию намного более рискованной, чем обычно. И потому бесился. И потому позволял себе эмоции, которые впоследствии нужно будет держать в узде. Во что бы то ни стало. Демьян сжал кулаки, зажмурился на пару секунд, вздохнул и, только взяв себя в руки, выглянул из-за двери:

– Пригласите сюда мою группу. Боюсь, на время оперативного совещания нам придется занять ваш кабинет, – бесстрастно заявил он, как только командир подошел ближе. До этих пор тот держался в стороне. Чтобы Демьяну даже в голову не пришло, что он мог греть уши.

Услышав просьбу Первого, командир базы побагровел. Может быть, от жары, но скорее от возмущения. Дернул пуговички на воротнике. Однако возразить не посмел. Несмотря даже на то, что был выше Демьяна по званию и формально имел на это полное право.

Впрочем, когда дело касалось Теней, никакие правила не работали. Мало кто понимал, кому они вообще подчиняются. О них ходили легенды. Их боялись. Перед ними благоговели.

Буквально через пару минут Демьян уже объяснял парням задачу. Еще сутки у них ушли на подготовку миссии. Да, они теряли время. Но сложно было переоценить необходимость тщательного планирования операции. Им было мало иметь план «А». Потому что в большинстве случаев действительность вносила свои корректировки в любые даже тщательно продуманные планы. Поэтому нужно было предусмотреть планы «В», «С», «D» и так далее. Проработать любые сценарии. А уже на месте отрепетировать свой отход. Это была работа на пределе человеческих сил и возможностей. Это был кайф в чистом виде.

Небольшая передышка у них появилась лишь в самолете.

– Кто бы мог подумать. У президента есть дочка на стороне! – хмыкнул Серый. Номер три в команде, он был в ней далеко не самым лучшим бойцом, зато его хакерские штучки не раз спасали их задницы.

– А что, ты думал, один такой? – не удержался от шпильки лучший друг Серого – Яр. Эти двое славились тем, что были не разлей вода с детского сада. Но в последнее время между ними будто кошка пробежала. И, кажется, Демьян догадывался, какая.

На секунду в кабине повисло молчание. Мужики, не зная, как реагировать на укол Яра, старательно делали вид, что ничего из ряда вон не случилось. Кто-то даже хохотнул в не слишком удачной попытке перевести треп приятелей в шутку. Потому что ситуация, в которой оказался Серый, была

действительно непростой. И хрен его знает, как бы тот отреагировал на подначку. Меньше всего перед операцией им нужен был разлад среди членов группы. Это понимал каждый.

А дело было вот в чем... Серый женился рано, едва вернувшись домой из учебки. На их общей с Яром подружке. С женой они жили хорошо. Можно сказать, душа в душу. А вот с детьми все как-то не получилась. Ходил слушок, что они многое перепробовали, но все безуспешно... Вот Серый и сломался. Или хрен его знает, что с ним случилось, когда он пошел на сторону. И так удачно пошел, что та, залетная, залетела. Вот такой каламбур. Жаль, смешного мало. Серый теперь был постоянно на взводе. Метался, как между двух огней, не зная, как рассказать любимой в общем-то жене о том, что наделал.

Демьян Серому по-своему сочувствовал. Но, тем не менее, он все чаще думал о том, что его следует выводить из команды. Слишком Серый был неустойчив в последнее время. Это могло выйти боком им всем.

– Яр, кончай, – коротко скомандовал Первый. – Нас его личное не касается.

– Вот именно. А девчонка миленькая. Какого только фига она забыла в С*? – удивился Михей, самый опытный и старший в их группе. Обычно люди его возраста к операциям не допускались, но замену Второму отыскать было не так-то просто. Попробуй, найди врача с опытом работы в условиях боевой операции. Да подтянуть его физподготовку до нуж-

ных по стандарту кондиций.

– Волонтерила в Красном кресте. – Демьян прикрыл глаза и коснулся гудящим затылком прохладной обшивки.

– Серьезно?

– Ага. Она, как я понял, на врача учится.

– Все равно как-то странно.

– Да что странного-то? – вмешался в разговор Семен – номер пять. Непревзойденный во всем, что касалось рукопашного боя.

– Не так я себе президентскую дочь представлял. Моя-то Жанка, поди, ее ровесница.

– И что?

– А то, что у нее на уме одни шмотки и сопляки, которых она по какой-то причине величает мужчинами. Ей бы даже в голову не пришло стать волонтером. Тем более в стране, охваченной войной.

– Алина Николаевна работала на освобожденной территории.

– Как мы видим, это Алину Николаевну не спасло. Слушай, а ты думаешь, она на него вот прям в документах записана? – не сумел скрыть любопытства Серый.

– Без понятия. Меня гораздо больше интересует, как на нее вышли?

– А х*й его знает, – выругался Демьян. Он ведь и правда не знал. Это его нервировало чрезвычайно. Если кто-то слил информацию, чтобы заставить президента отказаться

от поставок оружия в О*, этот самый кто – то мог быть в курсе и другой секретной информации. Например, знать о подробностях операции, которую поручили Теням. Именно поэтому Демьян в последний момент изменил маршрут. Ни с кем не став его согласовывать. Привыкнув уже полагаться на свою чуйку, которая никогда его не подводила. Главное – выжить, а там как-нибудь отбредется. В первый раз, что ли? Победитель, как известно, всегда прав. А проигравшему... уже все равно.

– Через пятнадцать минут подлетаем к заданным координатам, – раздался голос пилота, нарушаемый легкими помехами в связи.

– Всем приготовиться, – скомандовал Демьян.

Почти тут же люк открылся. Бесшумно, один за другим, его люди прыгали в зияющую чернотой пропасть. Демьян прыгнул последним. Он обожал ощущение свободного полета. И обычно до последнего не спешил раскрывать парашют. Но тут действовал строго по инструкции. Чувствовал, что пока не время гневить удачу.

Приземление прошло успешно. Как и марш-бросок через пустыню. Привыкшее к нагрузкам тело работало послушно, как часы. Они продвигались вперед бесшумно, будто тени, полностью оправдывая название собственной группы.

– Действуем по плану. На этаж поднимаюсь я со Вторым. Третий следит за камерами из номера рядом. На Четвертом – лифты. Пятый прикрывает с крыши. Шестой, Седьмой

и Восьмой обеспечивают отход.

Демьян знал, что парни уже назубок выучили план операции. Он мог бы их разбудить посреди ночи, и каждый из них пересказал бы тот с точностью до секунды. Но по давно заведенной привычке проговорил его вслух еще раз. А бойцы терпеливо выслушали, ничуть не удивляясь его дотошности. Никому из них не надо было объяснять, как тонка грань между жизнью и смертью. Они её воочию видели. И знали, что лучше все повторить сто раз.

– Третий, когда камеры будут наши?

Демьян отдавал себе отчет, что хакнуть систему безопасности в огромном небоскребе, где по данным агентства находилась девчонка, было не так-то просто. Но у них совершенно не было времени на раскачку.

– Час. Может быть, два.

Ушло два с половиной. Когда Демьян поднялся на нужный этаж и, устранив охрану, приложил к магнитному замку перепрограммированный стараниями Серого ключ, часы показывали семь ноль три. Он тенью скользнул в номер. Но девчонки не оказалось ни в спальне, ни в прилегающем к ней будуаре. Демьян обнаружил ее лишь в ванной, потеряв на поиски лишние пятнадцать секунд, которые скрупулёзно отсчитал выставленный таймер.

Даже не подозревая, какая затевается заваруха, президентская дочка преспокойно плескалась под душем. Стараясь действовать максимально мягко, чтобы ее не напугать,

Демьян, накрыл рот девчонки ладонью, а второй рукой плотно сжал её тело, чтобы та не дергалась. И шепнул в ухо:

– Свои. Майор Богданов. Спецназ.

Глава 2

Он мог не волноваться. Аля не стала бы дергаться. Или кричать. Или, не дай бог, звать на помощь... Потому что она буквально оцепенела от страха, ощутив за спиной присутствие чужака. Его горячие руки на себе, каменную твердость тела и опаляющий жар дыхания. Может быть, это как раз и стало для неё последней каплей? Ведь до этого она как-то держалась. Несмотря на весь ужас ситуации, в которой ей довелось оказаться, и чудовищное напряжение, она смогла собрать в кулак всю свою волю, все мужество. Так отчаянно стремясь не ударить лицом в грязь. До последнего надеясь, что отец будет ей гордиться, когда узнает, с каким достоинством она выдержала этот ужас. А тут... Из нее будто воздух выкачали. Колени предательски дрогнули. И миг обмякнув, она стала оседать.

Мужчина за спиной выругался. Перехватил ее поудобнее, не давая упасть, сжал с силой. Вдавливая в себя так, что оружие, которым он был обвешан, как новогодняя елка гирляндами, воткнулось ей в спину, причиняя ощутимую боль. Аля невольно всхлипнула. Но звук утонул в его широкой ладони, что закрывала ей рот.

– Ты в безопасности. Слышишь? Я пришел, чтобы вернуть тебя домой.

Услышав о доме, Аля чуть не расплакалась. Представила

свою уютную квартиру, маму, друзей... Прошлая жизнь, ка-
завшаяся ей сейчас такой далекой, как будто и не её вовсе,
пронеслась перед глазами. Все эти растянувшиеся почти до
бесконечности страшные дни Аля задавалась вопросом, ка-
кого черта ей не жилось спокойно? Почему она вообще ре-
шила, что ей необходимо что-то там поменять? И почему для
этого подалась на край света? Никого не слушая! Ни матери,
ни отца, скорее даже, напротив, всем сердцем желая посту-
пить им наперекор. Дать понять, что уже достаточно взрос-
лая. И самостоятельная. Что ей и даром больше не нужно
их одобрение. Что с ее решениями нужно считаться. А те-
перь... Господи, она ничего так не хотела, как вернуться к
прежней спокойной жизни. И забыть весь этот ужас, словно
кошмарный сон.

Аля вскинула руку, по которой стекала вода, коснулась
ручищи спецназовца и отчаянно закивала, давая тому по-
нять, что минутка слабости в ее исполнении окончена. Что
теперь она точно готова к решительным действиям. Хотя да-
же сама в это не особо-то верила.

– Сейчас я освобожу твой рот. И ты будешь вести себя
тихо.

Он не спрашивал. Он приказывал. Его голос звучал тихо,
но оттого не менее внушительно. Это был голос человека,
привыкшего отдавать команды. Аля это сразу отметила. И
зажмурилась, удивляясь своей реакции на него.

– Ты поняла?

Она кивнула снова. На этот раз более сдержанно.

– Хорошо, – шепнул мужчина, медленно разжимая пальцы, но все еще с силой прижимая Алю к себе. – Ты как вообще? Идти сможешь? Я могу тебя понести, но это привлечет к нам ненужное внимание.

– Н-не н-надо, – заикаясь, пробормотала Аля в ответ. Чувствуя, как покрывается мурашками. И краской стыда. Почему-то до нее только сейчас дошло, что она полностью голая. – Я смогу идти. Но для этого мне нужно одеться. Боюсь... боюсь, в таком виде я тоже не останусь незамеченной.

К ужасу Алины, с её губ сорвался смешок. Один. А потом еще, и еще... Плечи задрожали от едва сдерживаемого хохота. С ней случилась истерика, которую она не знала, как прекратить. Аля сделала глубокий вдох, но это не помогло. Глупый смех рвался изнутри вперемешку с горькими всхлипами. Теперь майор наверняка решит, что она спятила... Почему-то от этой постыдной в общем-то мысли Але стало еще смешнее. И вот когда она, не сдержавшись, все-таки захохотала, он ее и ударил. Как ребенка. Отвесив звонкий шлепок по заднице. Истерика в один момент схлынула, вытесненная совсем другими эмоциями. Аля резко обернулась и потрясенно уставилась на майора.

– Так было нужно. Чтобы ты успокоилась, – пояснил он мягко. Обезоруживая совершенно. Заставляя в один момент забыть о злости.

– Понятно, – сглотнула Аля и, закусив дрожащую от вол-

нения губу, во все глаза уставилась на мужчину. Она совершенно не ожидала, что тот будет выглядеть... так по-арабски. К тому, что у него будут темные библейские глаза, черная борода, и что он будет одет в традиционные мусульманские одежды. Страх, который чуть отступил, вернулся к ней с прежней силой. Уже не истерикой. Холодком, стекающим вниз по позвоночнику, колкой дрожью в теле. Оказывается, ее стали пугать одетые подобным образом люди.

– В спецназовской экипировке я бы сюда не дошел, – заметил майор, очень тонко уловив ход ее мыслей. Аля машинально кивнула, признавая разумность озвученных доводов. Но когда мужчина протянул черный балахон и ей, далеко не сразу решилась взять тот в руки. А ведь на сомнения у них не было времени. Он это тоже уже не раз давал ей понять. Непонятно, почему она все еще так тупила. По-хорошему, ничего сверхъестественного от неё не требовалось. Просто следовать инструкциям. А она... какого-то черта тянула резину, выставя себя трусливой, ни на что не годной идиоткой.

Осознав это, Аля мучительно покраснела. От стыда и еще чуть-чуть от стеснения. Потому что он ведь тоже на нее смотрел. В то время как она была полностью обнаженной... Это было ужасно. Аля совершенно не привыкла расхаживать перед мужчинами в чем мать родила.

– Одевайся. Мы потеряли непозволительно много времени, – напомнил майор еще раз.

Аля схватила одежду. Дрожащими, мокрыми не то от воды, не то от волнения руками развернула сверток. Белья не было. Она торопливо натянула абайю прямо на голое тело, но забыла вытереться, и та, прилипнув к коже, поддавалась Але с трудом. Едва не заревев от досады и собственной неуклюжести, она с остервенением одернула ткань. Выдохнула с облегчением. Традиционное платье оказалось для нее коротковатым и оставляло открытыми ее хрупкие щиколотки. Но какое это имело значение, если она, наконец, прикрыла свою наготу?

– Не рассчитал, – заметил тихо мужчина, каким-то образом вновь прочитав ее мысли. Аля заставила себя ободряюще ему улыбнуться, но в тот же миг отшатнулась, когда он зачем-то занес руки над ее головой.

– Я просто помогу тебе надеть паранджу, – пояснил спецназовец.

Аля в который раз кивнула. Мол, поняла. И даже сделала крохотный шаг навстречу. Который дался ей нелегко из-за образовавшихся проблем с доверием. За пару минут в обществе майора Аля осознала, что теперь, наверное, не скоро отделается от своих страхов. Но твердо решила, что ни за что не позволит им собою руководить.

И как раз в этот момент до них донеслись какие-то странные звуки. На долю секунды майор настороженно замер. А дальше события закружились, словно в калейдоскопе. Первым делом спецназовец одел ее до конца. Схватил за руку

и потащил вглубь номера. И ведь это было делом каких-то долей секунды, но для неё время замерло, остановилось... Алина видела себя будто со стороны.

– План «С»! Уходим по одному!

Аля не понимала, с кем говорит майор. А спросить побоялась. Будто зачарованная, она наблюдала, как меняется его лицо. Как шевелятся губы и натягиваются жилы на шее... Гораздо позже она поняла, что Богданов поддерживал связь с другими бойцами, которые наравне с ним участвовали в операции. Но в тот конкретный момент она ничего не сообщала. И лишь, не моргая, смотрела на него, да.

На какое-то время майор выпустил Алю из рук, достал что-то вроде тонкой веревки с карабином. Потом закрепил тот у себя на поясе и пристегнул ее, так что они стали похожи на альпинистов в связке. Следом схватил антикварную тумбочку и зачем-то бросил её в окно. Звук разбившегося стекла привел Алю в чувство. Она испуганно вздрогнула и спрятала лицо на груди бойца.

Однозначно, это было самое нереальное зрелище в ее жизни. Поверь Аля хоть на мгновение, что этот сумасшедший действительно собирается сделать то, что впоследствии сделал без колебаний, она бы со всех ног рванула от него прочь. А так... Лишь ждала чего-то. Дышала ему в грудь, чувствуя себя в его руках как никогда защищенной. Несмотря даже на приближающиеся звуки стрельбы, которые она теперь ни с чем бы уже не спутала. И все сильнее впивалась

пальцами в его одежды.

– Готова? Сейчас прокатимся с ветерком.

Он подхватил ее на руки, когда Аля того совсем не ожидала. Она вскинула взгляд и инстинктивно обвила его бедра ногами, скрестив их за его спиной для надежности. Ветер, врывающийся в разбитое окно, с остервенением трепал их одежды и едва ли не сбивал с ног своей силой. Происходящее было настолько нереально, что больше напоминало сцену из фильма. Алина не могла отделаться от ощущения, что это ей просто снится. Что все закончится, стоит ей себя ущипнуть. Но прежде, чем она успела пошевелить пальцами, майор отошел на шаг от края и с разбега бросился к зияющей черной дыре.

Аля и пикнуть не успела, когда почувствовала, что летит. Быстро, но все же не так, как было бы, сигани они в окно без страховки. Несколько долгих секунд мозгу потребовалось на то, чтобы это понять. Еще с десятков, чтобы привести в норму дыхание. С сердцем было сложнее. Оно колотилось, как сумасшедшее. В горле. Так, что ее тошнило. С большим трудом Аля отвела лицо от местечка в основании шеи спецназовца, где пряталась от происходящего все это время. Надеясь, что ей станет легче, когда она сможет полной грудью вдохнуть. Чуть приоткрыла глаза и вообще дышать перестала от открывшейся её взгляду картины! Какой же сумасшедше красивой она была! Небоскребы, огни, витрины... Аля словно попала в сказку о Питере Пэне. Только это была во-

все не сказка. И земля стремительно приближалась. Что их там ожидало? Она не знала. Страх заставлял её все сильнее и сильнее прижиматься к мужчине. Страх был такой сильный, что она не ослабила хватки, даже когда поняла, как чудовищно тот возбужден.

– Ты в порядке?

– Д-да...

– Теперь можешь слезть с меня. Ну, как? Ноги держат?

Аля решительно кивнула, хотя честнее было ответить – нет. Ну, а дальше ее уже никто и ни о чем не спрашивал. Может она бежать – или нет? Богданов просто тащил ее за собой, удерживая в своей огромной лапище ее маленькую ладошку. И она бежала, не чувствуя ног. Бежала на пределе своих возможностей. Задыхаясь от этой гонки. Пока они не остановились, смешавшись с толпой на одной из центральных улиц. Только-только началось шоу поющих фонтанов, площади заполнили туристы, среди которых им было так просто затеряться...

– Куда мы идем?

– В одно безопасное место.

– Послушайте, может, вы объясните мне, что произошло?

– Нас вскрыли.

И снова этот бесстрастный голос... Он даже как будто и не запыхался, тогда как легкие Али горели огнем до сих пор. И во рту ощущался металлический привкус крови.

– Вскрыли? И... и что это означает?

– То, что в штабе твоего отца завелся крот.

– И... что? Нам теперь угрожает опасность?

Он все-таки остановился. Смерил ее абсолютно нечитае-
мым взглядом и все так же спокойно заметил:

– Ситуация усложнилась. Но не стала критичной.

– И что же мы будем делать?

– Заляжем на дно. Мне нужно выяснить... – в этом месте майор все же запнулся, – не пострадали ли мои люди.

Аля замерла. Напуганная до чертиков, она совершенно не думала о тех бойцах, которых отец отправил к ней на помощь! А ведь за дверью номера развернулся самый настоящий бой, и могло случиться все, что угодно. Из-за нее могли пострадать или даже умереть люди! Ей стало мучительно стыдно за собственное малодушие.

– Что вам мешает связаться с ними сейчас? – сглотнула Аля, к тому моменту уже рассмотрев интересного вида гарнитуру в ухе спецназовца.

– Нас могут засечь.

– Но ведь они могут это сделать и позже...

– Нет, – бросил он после короткой паузы и без предупреждения толкнул Алю в тень. Буквально в паре шагов от них проехала машина. – Пойдем. Кажется, теперь все спокойно.

Шагнув за ним, Алина еще не понимала, что они, в общем-то, пришли. Богданов достал что-то вроде ключ-карты, приложил к двери – и та открылась, пропуская их в богато убранный холл.

– Смотри в пол, – распорядился тихо. – И молчи, если к тебе кто-то обратится.

Это она, конечно, могла. А он? Он тоже будет молчать? Они притворятся глухонемой парой? Аля хотела уточнить этот момент, но вовремя вспомнила, что майор не просто так велел ей помалкивать. Впрочем, она и потом ничего у него не спросила. Даже когда за ними закрылась дверь... квартиры? И он велел ей располагаться. У Али просто не осталось сил на вопросы. Ни... на... что. Никогда прежде она не чувствовала себя настолько разбитой. Насколько напуганной и несчастной.

Понимая, что упадет, если сейчас же не сядет, Аля доплелась до обитого дорогой парчой дивана и без сил на него опустилась. Глаза закрывались. Тело болело, будто ее избивали палками. Алина где-то читала, что в арабских странах так наказывают женщин за измену... А вот за что ей это все? Непонятно... Алина обмякла и накренилась в бок. В таком положении она почти лежала. Одни лишь ноги оставались на полу. Но сил не было даже на то, чтобы устроиться поудобнее. Закрыв глаза, Аля думала, что уснет тотчас, но не тут-то было. Какой уж тут сон, когда из соседней комнаты...

– Второй... прием! Это Первый. Доложи обстановку, Второй! Прием... Да ответь же ты... Дьявол.

Глава 3

Аля все-таки провалилась в забытье. Предохранители перегорели, и на какое-то время ее окутала блаженная тьма. Проснулась от света, бьющего прямо в глаза. Воспоминания о вчерашнем дне еще не вернулись. Алина улыбнулась, подняла руки над головой и с удовольствием потянулась. Но сделать это как следует, до хруста в костях и приятной тянущей боли в мышцах, не получилось. Что-то сковывало ее движения. Аля нахмурилась. Приоткрыла один глаз и недоуменно уставилась на черный балахон, который, обмотавшись вокруг ее тела, теперь больше походил на смирительную рубашку.

Вот тут она все и вспомнила. Резко села и с шумом втянула воздух. Ей потребовалось пару минут, чтобы успокоить свою панику. И еще несколько глубоких вдохов...

Чуть придя в себя, Аля поняла, что кто-то заботливый все же помог ей устроиться на диване с комфортом. Принес подушку и тонкое одеяло, которое она, как всегда, сбросила во сне. Несмотря ни на что, ей удалось отлично выспаться и отдохнуть. Но вряд ли бы она чувствовала себя настолько хорошо, если бы о ней не побеспокоились. Если бы о ней не побеспокоился... он.

В памяти всплыл наполненный отчаянием голос майора.
– Второй... прием! Это Первый. Доложи обстановку, Вто-

рой! Прием... Да ответь же ты... Дьявол.

Удалось ли ему связаться хоть с кем-то? А если нет?

Алина облизала вмиг пересохшие губы, в очередной раз давая себе команду успокоиться и не паниковать раньше времени. Задача не из легких, поэтому она решила, что ей было бы неплохо переключиться. Временно сосредоточить внимание на другом.

Аля кивнула своим мыслям и для начала обвела взглядом огромную комнату, которую вчера не успела рассмотреть. Та выглядела так, будто была вырублена прямо в песчанике. В ней было много арок, стенных ниш для картин и других предметов искусства. Спокойные тона, в которых был выдержан интерьер, напомнили Але о песчаных дюнах и охровом закате, который можно было наблюдать лишь в пустыне.

«Господи, да о чем ты, мать его, думаешь?! Какой закат? Какая пустыня?» – раздался возмущенный голос в Алиной голове. Она вскочила и, не сумев так справиться с острым приступом паники, согнулась пополам. Втянула с хрипом воздух. Спрятала лицо в мокрых от волнения ладонях...

– Все хорошо? – тихий голос майора нарушил повисшую в комнате тишину. Аля резко выпрямилась. Еще раз прошлась взглядом по комнате и, наконец, его увидела. Все это время майор, оказывается, был здесь. И наблюдал за ней, сидя в самом темном углу комнаты.

– Почему вы сидите на полу? – спросила Аля первое, что

пришло в голову. Ну, ведь и правда, здесь оставалось еще немало мест, где можно было расположиться с комфортом. Да и спальня... в этой квартире она ведь тоже наверняка была. Но он предпочел сидеть на жестком полу, прислонившись спиной к стене, грубо отделанной штукатуркой. А ведь буквально в шаге от него был устроен роскошный альков, устланный шикарным персидским ковром с разбросанными по нему подушками.

– Мне и здесь неплохо.

Голос майора звучал как обычно спокойно. Но что-то ее все равно насторожило. Не решаясь к нему подойти, не осмеливаясь спросить самое важное, Аля бестолково кивнула. Переступила с ноги на ногу. Сжала кулаки, собираясь с силами.

– Кофе хочешь?

– Д-да... Наверное.

Боец кивнул. Вскочил на ноги из положения сидя и шагнул на свет.

Он переоделся. Или просто снял дишдашу... Аля, открыв рот, уставилась на открывшуюся ее взгляду картинку. Нет, она, конечно, понимала, какой он сильный, но только сейчас смогла убедиться в этом воочию.

И вот к этому она вчера прижималась! Господи...

– Кофе в кухне.

Аля вспыхнула.

– Да, конечно. Извините.

Пропуская Алину вперед, майор на секунду коснулся рукой ее поясницы. Его ладонь была широкой, тяжелой и такой горячей, что Аля затрепетала.

– Если хочешь, можешь для начала сходить в душ. Там есть халат и все необходимое.

– Да, спасибо.

– Это там...

Как и все в квартире, ванная комната поражала роскошью. В любое другое время Аля ни за что не стала бы спешить с туалетом. И обязательно бы насладились процессом. Испытала джакузи, перенюхала бы все средства парфюмерии, выстроившиеся в ряд на туалетном столике. Но прямо сейчас она чувствовала себя настолько потерянной и одинокой, что мечтала лишь об одном – поскорее вернуться к майору. До этих пор Аля не понимала, как много он стал для нее значить. Без него она просто тонула... В вязком болоте собственных страхов и панике.

Аля быстро вымылась. Соорудила тюрбан на голове, не пожелав тратить время на сушку феном, и, натянув на голое тело халат, выскользнула за дверь.

Когда она вошла, Богданов стоял у плиты, опершись двумя ладонями на столешницу и низко-низко опустив голову. На его руках бугрились мышцы. Он был так чудовищно напряжен... И сокрушен. Может быть, он был сокрушен гораздо больше, чем она думала.

Кофе в турке пролился через край и с шипением побежал

по медному боку. Майор выматерился, схватился за ручку и, тут же отдернув обожжённые пальцы, сунул их в рот.

– Я помогу, – пискнула Аля, выключая конфорку. Огляделась. Нашла полотенце, обмотала злосчастную ручку и вылила коричневую жижу в чашку. – Возьмите.

Богданов поднял на нее взгляд темных, как преисподняя, глаз. Наверное, он не был красив в общепринятом смысле этого слова. Но... он завораживал. Своей нестигаемой силой, нечеловеческой выдержкой и бесстрашием. И она полностью от него зависела.

– Не хочу. Я уже пил.

Ну же! Скажи еще хоть что-то! Спроси... Ты должна спросить... «Как твои люди? Все ли живы?» А если нет? Как она будет жить, зная, что из-за нее кто-то умер? Что из-за нее кто-то потерял своего сына, брата, мужа... или отца?

Алина должна была спросить. Должна! Но ей не хватало смелости. Тогда, облизав губы, она шепнула:

– Я могу приготовить завтрак.

– Я не голоден. А тебе не мешает поесть. Здесь я видел какие-то крупы, – майор взмахнул в сторону кухонного шкафчика. И пошел прочь.

– Вы куда?

Из-за паники голос Али прозвучал несколько истерично. Богданов обернулся. Прошелся по ней уже знакомым спокойным взглядом и пожал плечами:

– Мне нужно установить связь со своими людьми.

Значит, до этих пор у него ничего не получилось! Значит, его люди...

– Сколько их было? – шепнула Аля, спрятав дрожащие руки в карманах.

Майор на мгновение будто окаменел.

– Семь. Кроме меня.

– И все они молчат?

– Пока да.

Он все-таки ушел. Абсолютно бесшумно, ступая мягко, как кошка. Или скорее даже большая пантера.

– Семь... Семь, кроме меня. – Так он сказал. Господи.

Майор, наверное, ее ненавидит! И это понятно. Ведь если бы не она... Ничего бы подобного не случилось. Аля без сил опустилась на пол. Открыла злосчастный ящик. Достала упаковку риса и тупо на неё уставилась.

Нет... Она не хотела есть. Она хотела отмотать назад пленку и все изменить. С губ сорвался всхлип. Набежали слезы. Аля зло их стряхнула. Понимая, что не имеет никакого морального права плакать! Ведь Богданову было наверняка хуже. Но он как-то держался. Вот и она будет держаться! Как-то...

Аля захлопнула ящик, оперлась рукой о пол и медленно встала. На цыпочках вышла из кухни. Прошла через коридор и замерла у входа в гостиную.

– Второй... прием! Это Первый. Доложи обстановку, Второй! Прием...

И ничего. Аля заглянула внутрь. Майор сидел в углу и вновь и вновь пытался связаться с кем-то. Из тех семи.

– Третий! Прием! Это Первый.

Четвертый, прием! Пятый, Шестой...

Захлебываясь рыданиями, Аля сползла по стенке. Подтянула колени к груди, пряча лицо. Заглушая рвущиеся из груди всхлипы ладонью. Время будто остановилось. Но в другой системе координат оно, напротив, летело вперед с невероятной скоростью. Стремительно сокращая шансы на то, что им кто-то все же ответит. Безжалостное. И неумолимое время.

Солнце, достигнув зенита, неторопливо катилось вниз. Тени, наполняющие комнату, стали длиннее. Как и паузы. Майор порядком осип. Повторяя одно и то же. Его плечи опускались все ниже. Он был словно Атлант, чье небо, упав, разбилось.

Аля не могла больше на это смотреть. И оставаться безучастной. Она вообще не могла больше оставаться одна. Делать вид, что достаточно сильная, чтобы пережить это в одиночку. Алина встала. Растерла затекшие ноги и пошла к нему.

– Что случилось?

– Ничего. Я просто... я... Наверное, вы меня вините?

– Нет.

– Не медли я, все могло бы сложиться иначе.

– Ты ни в чем не виновата, – повторил майор. Повторил очень твердо. И ровно. Но Аля один черт не могла отделать-

ся от мысли, что он говорит то, что должен. Но не то, что чувствует на самом деле.

– А кто виноват? – прошептала она. – Погибли люди.

И вот тут его эмоции все же пробили брешь в обороне. Мужчина вскочил, стремительно подлетел к ней, нависая тенью:

– Я предпочитаю не говорить о том, чего не знаю наверняка.

Алина поежилась, уже сожалея, что вообще посмела тронуть этот... вулкан. В жерле которого бурлит, нагнетается магма. И это только дело времени – когда она смертоносным потоком вырвется наружу. Но с другой стороны, Аля так отчаянно сама нуждалась в поддержке, что просто не могла больше переживать все это в одиночку. Такая слабая, буквально раздавленная случившимся, Аля тянулась к силе. Какой бы разрушительной она ни была.

– Извините. Я просто хотела, чтобы вы поняли, как мне жаль. Я бы сделала что угодно, чтобы этого не случилось. Лучше бы это я умерла! – выпалила Алина и к своему ужасу расплакалась, уткнувшись носом в его рельефную грудь.

Майор недавно тоже помылся. От него пахло чем-то восточным, пряным...

– Нет. Ты не этого хочешь.

– Не этого? – всхлипнула Аля. – А чего? – переспросила глупо.

– Ты хочешь удостовериться, что твоей вины в случив-

шемся нет. Это нормально. И ты действительно ни в чем не виновата.

Один за другим он разжал ее пальцы и, высвободившись из её объятий, отошел в сторону. Наверное, она слишком много от него хотела. Было ужасно глупо рассчитывать на его сочувствие в этой ситуации.

– Как вы справляетесь? – прошептала она.

– С чем? – вскинул бровь майор.

Она не могла спросить прямо. Он ей запретил говорить вслух о смерти товарищей. Поэтому Аля как могла неуклюже завуалировала свой вопрос:

– Как вы справляетесь с напряжением, с которым связана ваша работа?

– Существует несколько проверенных способов. Тебе они не подойдут, – ответил майор, смерив ее еще одним нечитаемым взглядом.

– Откуда вам знать? – завелась Аля. Это оказалось так легко – сублимировать свою душевную боль в какие-то другие чувства. Пусть даже в злость. Плевать. Лишь бы не думать. И не винить себя. И не гадать, удастся ли им выбраться живыми из этой передраги. Или она умрет в двадцать лет, не познав... так много всего в этой жизни. – Вам же они подходят?

– Да.

– И какой ваш излюбленный способ забыться?

– Зачем тебе это, Алина?

– А вдруг я смогу помочь?

Цепкий взгляд майор окрасился совершенно новыми красками. Аля точно уловила этот момент, потому что у нее в ответ приподнялись тонкие волоски на коже.

– Ты ничего не сможешь сделать. Лучше иди, поешь.

Это было больно. Очень... И ведь он явно того не хотел. И не подразумевал ничего такого, что ей в его словах вдруг почудилось. Или... Он именно это и имел в виду? «Ты ничего не сможешь. От тебя одни неприятности!» Аля всхлипнула. Вернулась, будто ее кто-то в спину толкнул. Богданов отвел взгляд от своего планшета. Уставился прямо на нее. И хоть смотреть ему приходилось снизу вверх, хоть это вроде бы должно было ей давать какое-то преимущество, Аля его абсолютно не чувствовала.

– Я совершенно не такая бесполезная, как вы решили! – заявила она. И тут же осеклась, понимая, какую делает глупость. Это ведь неважно совсем! Ему наверняка до нее вообще нет дела. Он ведь на грани. Это видно. Что бы он там ни говорил. Он переполнен болью, а она пристает к нему с какими-то глупостями... Идиотка.

– Я не говорил, что ты бесполезная, – устало заметил майор.

– Да... Кажется, вы действительно сказали по-другому. Извините. Я... все время делаю что-то не то. – Аля опустилась на ковер, чтобы быть поближе к мужчине. – Просто мне так страшно... Так чудовищно страшно. Это прозвучит, наверное, очень странно, но вы не могли бы меня обнять? –

она в конце все же всхлипнула. А он шарахнулся от неё в сторону, как от чумной.

– Нет.

– Извините... Я, наверное, действительно веду себя, как дура.

– Дело не в этом!

– А в чем же тогда? – горько усмехнулась Аля.

– В том, что прямо сейчас я на таком взводе, что одними объятьями дело не ограничится.

Глава 4

Несколько секунд Аля просто на него смотрела. И непонимающе хмурила брови.

В каком смысле не ограничится? Он... Он это о чем вообще? Ну, не может же он... Или может? Намекать на то, что не прочь заняться любовью... с ней? Эта мысль показалась Алине настолько абсурдной, что она даже улыбнулась. Но ее улыбка осталась безответной. Майор продолжал смотреть на нее, не мигая, из-под тяжело опущенных век. И такое ей в его глазах почудилось, что Аля испуганным зайцем шарахнулась в сторону. Нелепо попятилась, перебирая коленями. Почему-то ей и в голову не пришло подняться.

– Я... я пойду и впрямь что-нибудь приготовлю, – промямлила она, очутившись в дверном проеме. Медленно, будто боясь его спровоцировать, поднялась. Помогая себе рукой. С опозданием поняла, как непозволительно много он мог увидеть в вырезе халата. От ее трепыханий полочки разъехались, едва ли не полностью оголив грудь. Аля одернула ткань и резко, так что ей даже стало больно, затянула пояс. Не сводя с Богданова взгляда, сделала шаг назад. Крутанулась и пулей рванула прочь. Закрыв дверь кухни, прижалась к ней лбом и постояла так, пока дыхание не выровнялось. Впрочем, даже когда она, пересилив себя, взялась за готовку, ее один черт еще немного потряхивало.

Аля поставила кастрюлю с водой на плиту и высыпала туда рис. Кроме крупы, в ящике нашлись еще какие-то бобы, но она была не настолько хорошим поваром, чтобы приготовить то, чего ей не доводилось стряпать раньше. В морозилке обнаружили отборные говяжьи стейки. Алина разморозила их и бросила на сковороду, щедро натерев изумительно вкусными восточными специями. Аромат шел такой, что в любой другой ситуации она бы собственной слюной захлебнулась, но тут... Ничего не хотелось. Ни есть, ни пить. Ни жить, если совсем уж честно.

И эти мысли ужасно пугали. Чтобы отвлечься от них, Аля что-то с остервенением резала и крошила. Работала машинально, всю себя отдавая процессу. Но время от времени её один черт накрывало. Страхом. Но еще больше – виной. Чудовищной виной, неподъемной. Когда ей становилось совсем уж невыносимо, Аля повторяла вслух названия человеческих костей. Их ей пришлось вы зубрить на русском и латинском, чтобы сдать экзамен по анатомии. Ох и намучилась она тогда! Костей в организме было много. В одной только кисти двадцать семь. В ту пору ей казалось, что хуже экзамена по анатомии ничего быть не может. Ну, если только экзамен по фарме. Тот запросто мог составить конкуренцию, да. Но как же она ошибалась! Какими же мелкими и незначительными были те проблемы... Господи!

Аля всхлипнула. Взяла специальные щипцы и перевернула мясо. Сдержать слезы ей все же не удалось. Они стекали

вниз по носу и с легким шипением капали прямо в сковородку.

И пусть... Пусть шипит, пусть гудит вытяжка, и по телевизору идет какой-то сериал на арабском. Пусть! Чем больше звуков вокруг, тем меньше вероятность, что она услышит снова:

– Второй... прием! Это Первый. Доложи обстановку, Второй! Прием... Да ответь же ты... Дьявол.

Закончив с готовкой, Аля решила, что ей все же нужно поесть. Насыпала пару ложек риса, взяла вилку, села... И тут же вскочила от раздавшегося где-то там, за пределами кухни, грохота.

Ну, надо же... А ведь она думала, что самое страшное позади, и что теперь, какой бы ей не довелось испытать страх, она не узнает о нем ничего нового. А сейчас, вот, поняла, как заблуждалась.

подавив в себе трусливое желание спрятаться от реальности под столом, Аля на носочках вышла из кухни. Заглянула внутрь комнаты, зажимая собственным страхам глотки. Приоткрыла глаза.

Майор стоял у окна, распластав по стеклу кисти рук и низко-низко опустив голову. Посреди гостиной валялся сломанный антикварный стол. И больше ничто не напоминало о случившемся только что срыве. Ну, может быть, еще его дыхание, которое было ненормально хриплым и шумным. Будто он задыхался.

Не смея войти, Аля затаилась в проходе, комкая халат и до боли впиваясь ногтями в ладони. Физическая боль хоть немного отвлекала от той, другой, которая её жрала. А еще страх... И какое-то новое чувство, которому Аля никак не могла подобрать определения.

Возможно, ярость? Да-да! Просто дикую злость. На то, что все может закончиться, так и не начавшись.

А о чем думал он? Жалел, что выбрал такую работу? Вспоминал друзей? Или проклинал ее? За то, что она на их пути встретилась? А если и так? Разве он не имел на это права?

Не давая себе передумать, Аля рванула вперед. Остановилась от него в полушаге. Прекрасно понимая по его застывшим плечам, что майор почувствовал ее приближение. Вздохнула и... прижалась к его спине лицом. Обняла за пояс. Слов не было. Да и что она могла сказать? Повторить, как ей жаль? Они уже это проходили... Слова утешения на самом деле ничего не стоили. И не могли облегчить боль. В конце концов, слова – это просто слова. А Майор... Майор в другом нуждался. И она... Она ведь тоже нуждалась. Пусть даже просто стоять вот так. Прижимаясь к нему, питаюсь его внутренней силой.

– Что ты делаешь? – просипел он.

– Обнимаю вас.

– Я же сказал, что это чревато.

– Ну и что? – шепнула Алина. – Мне это, может, не меньше вас надо.

– Очутиться на полу с задранными к потолку ногами?

– Зачем вы так? Я же... правда... ничего плохого не имею в виду... Просто...

Майор высвободился из ее рук. Повернулся лицом. Впился в Алю внимательным взглядом.

– Просто, что?

– Просто потом может ничего не быть... Вообще ничего не быть. Понимаете? А сейчас мы есть друг у друга.

Он так и не пошевелился больше. И не сказал ничего. Но и не оттолкнул Алю, когда она сама к нему потянулась первой. Когда выдернула черную майку из-под пояса его армейских брюк и задрала ту, оголяя плоский живот с шестью идеально очерченными кубиками пресса и выше.

От волнения ее немного штормило. Но в то же время она, пожалуй, еще никогда не была так уверена в том, что делает. А ведь каких-то пару часов назад намек майора на секс напугал ее просто до чертиков. Почему? Непонятно... С самого начала было очевидно, что они смогут это все пережить лишь вместе. Забывшись друг в друге. Хоть ненадолго, хоть на чуть-чуть. А потом, глядишь, и появится какая-то другая мотивация. Главное, продержаться сейчас. Вот почему её к нему так тянуло!

К тому же они могли в любой момент умереть. Алина не хотела прощаться с жизнью, не познав, как это – быть чьей-то женщиной. И пусть ее жизнь превратилась в полнейший хаос. Пусть она полностью утратила над ней контроль...

Прямо сейчас только она решала. Быть. Или не быть.

Так и не справившись с майкой, Аля оставила ту в покое. Под его гипнотическим взглядом взялась за концы пояса. Потянула. И даже как-то вызывающе, что ли, вздернула подбородок. Чтобы он, не дай бог, уловив ее страх, не оттолкнул.

Майор прошелся взглядом по ее все еще скрытому полами халата телу и вернулся к глазам.

Майор! Черт, она ведь даже не знает его имени!

– Как вас зовут?

– Демьян Богданов. К вашим услугам, – хмыкнул он и, наконец, бережно притянул Алю к себе. Ласково погладил по волосам. Совсем как отец. Алина чуть не расплакалась от этой нежности. С тех пор, как ее похитили, каких только ужасов она не натерпелась. Первые дни, пока похитители везли ее через пустыню, Аля дико боялась быть изнасилованной. Боялась и... готовилась к самому худшему сценарию, а тут... такой подарок.

Аля отвела лицо от груди Демьяна, чтобы его поблагодарить. Чтобы рассказать, как много это для нее значит, но не успела. Он мягко накрыл ее губы своими. Замер на несколько секунд, будто привыкая, и только потом углубил поцелуй.

Еще никто не целовал Алю так. Вроде бы нежно, но в то же время напористо. Ясно давая понять, кто тут главный, но не проявляя ни капли эгоизма. Заботясь о ней. О ее комфорте. И удовольствии... Алина тихо вздохнула, едва их гу-

бы разъединились. И как привязанная, потянулась за новым поцелуем. Демьян хмыкнул. Чуть качнул головой, мол, нет, притормози. А потом протянул руки и осторожно развел-таки полы халата. Аля смущенно закусила губы. Про себя она повторяла, что ничего страшного не происходит. Он уже видел ее голой. Видел. И захотел. Значит, она ему понравилась, правильно? Тогда почему он медлит? Аля стиснула руки в кулаки и сделала глубокий вдох, отчего ее грудь вызывающе поднялась и опустилась. Демьян облизнул губы. Его зрачки расширились, почти напрочь сожрав чайного цвета радужку. Алина невольно выгнулась. Будто предлагая ее попробовать. Вообще не представляя, где нахваталась подобных развратных штучек, но уже почти не стесняясь своих желаний.

Сердце хаотично трепыхалось в груди. То подпрыгивая, ударяя по ребрам, то ухая горячим комом вниз.

Она больше не думала о том, правильно ли поступает. Она знала, что иного ей не дано. Да и не хотела она иного.

Демьян снял её халат с плеч, и тот, соскользнув с ее безвольно опущенных рук, упал на пол. В тот же миг майор подхватил Алю на руки. Заставил ее снова, как в их первую встречу, обвить его бедра. Припечатал к стене. И вот так, на весу, наконец, накрыл ее грудь губами. Поиграл с соском языком, сжал второй между пальцев, заставляя Алю выгибаться и просить большего. А сам все отчаяннее вжимался ей между ног, имитируя половой акт. Натирая грубой тканью брюк ее нежные набухшие складочки.

Она понимала, что он теряет контроль, который и до этого непонятно на чем держался. Видела в его глазах. Которые больше не были ни холодными, ни равнодушными. Он был больным... совершенно больным душою.

– Мы можем это все прекратить.

И вот опять Демьян прочитал ее мысли! Да только интерпретировал их не так. Аля улыбнулась. Покачала головой из стороны в сторону.

– Нет. Я хочу...

– Я же сейчас тобой пользуюсь. Ты это понимаешь?!

– Да. И если это хоть немного облегчит твою боль, я буду рядом столько, сколько ты пожелаешь.

Демьян сглотнул. Сцепил зубы, так что жилы на его шее вздулись. Выдохнул носом. И куда-то ее понес. Лишь ощутив кожей прохладный шелк простыней, Аля поняла, что это была спальня. Открыла глаза. Над головой раскинулся шикарный балдахин. А вот Демьян куда-то пропал. Ничего не понимая, Аля подтянулась на локтях и неожиданно для себя почувствовала, как он разводит в стороны ее бедра.

– Что ты... Аа-а-ах... – протянула, когда ощутила его губы в самом интимном месте. Хотела возразить. Правда хотела. Ведь это было ужасно неловко. Но в то же время так приятно, что вместо слов с губ срывался лишь бессвязный шепот, перерастающий в стон, когда он задевал особенно чувствительные местечки. Аля не знала, что они есть на её теле. Она поднималась все выше и выше, пока не сорвалась вниз. Но-

ги конвульсивно сжались. Вибрация прошла по телу волной. Разрядка была такой сильной, что Аля даже пропустила момент, когда он проник в нее пальцем. Новая порция ласки, после еще не утихшего оргазма, была скорее болезненной. Аля хотела отстраниться, но Демьян не дал. И принялся снова настойчиво ее ласкать. Совсем обезумевший и дикий. Будто она, кончив, смела последний барьер его самоконтроля. Второй раз был мучительным во всех смыслах. Она скулила, она умоляла, она царапала его плечи. То с силой прижимая его голову. То отталкивая изо всех сил пятками, когда он, будто издеваясь, сначала подводил её к черте, а потом нарочно отбрасывал в сторону. И вот, когда Демьян все же позволил ей сорваться, когда Аля закричала, забилась под ним, окончательно сокрушенная происходящим, он резко изменил положение. Лег на нее, удерживая на руках вес тела, и резко толкнулся.

А дальше случилось сразу три вещи.

Его глаза потрясенно расширились.

Аля, не сумев справиться с болью, всхлипнула. И этот всхлип почти заглушил другой, едва различимый звук. Демьян вскочил. Не сводя с нее настороженного и потрясенного взгляда, нащупал гарнитуру.

– Первый на связи. Прием.

– Прием. Говорит Пятый. Прием...

Глава 5

Облегчение было таким, что у него отнялись ноги. Демьян прикрыл ладонью глаза. И тяжело опустился на пол.

– Ты не представляешь, как я рад тебя слышать.

И к черту правила ведения переговоров. К черту, как оно должно звучать. Все к черту. Он сказал то, что хотел. И что должен был.

В ответ раздался смешок. Поняв, что шеф дает добро на неформальное общение, Пятый заметил:

– Тогда не обделайся от радости, потому что на связи еще Шестой, Седьмой и Восьмой. Прием. Как понял?

Демьян сглотнул. Понял он хорошо. И от этого у него внутри что-то заворчалось, зашевелилось... Волна облечения прокатилась по телу. Наполняя его непривычной тяжестью. Глаза немилосердно жгло. Еще немного, и он бы расплакался, как последняя тряпка.

Видит бог, он бы не пережил, если бы потерял их всех. В истории такое уже случалось. Демьян знал, что иногда ребят теряли целыми группами. Редко, но такое тоже бывало – слишком опасной была работа, которую эти мужики делали на благо своей родины. Делали просто потому, что кто-то достаточно мужественный должен был заниматься и этим тоже. Но если и его группе была уготована подобная участь, Демьян хотел бы умереть вместе со своими ребятами. Что-

бы не объяснять женам и матерям, почему он выжил, когда те погибли. Чтобы не жить. Без них. Потому что они были не просто братьями по оружию. Эти парни были его семьей. Кто-то отцом, кто-то братом, а кто-то непутевым сыном. Которого он, майор Богданов, воспитал. И выучил всему.

Каждому из этих взрослых, крепких мужиков принадлежал маленький кусочек его сердца. Потеряв одну его часть, еще как-то можно выжить. А без сердца вовсе... как жить?

Он и не жил. Он эти сутки провел, будто в коме.

– Понял вас хорошо.

Демьян запрокинул голову к потолку. Он столько всего хотел им сказать! Но, наверное, слова были лишними. Во-первых, потому что его ребята и так все знали. Когда ты бок о бок сражаешься столько лет, здорово прокачиваешься в чтении мыслей на расстоянии. А во-вторых, потому что эфир и впрямь для этого не предназначен. В целях безопасности им бы лучше вообще было поскорее свернуть переговоры.

– Доложите обстановку. Прием.

– Седьмой огреб по полной. Пришлось... эм... навестить местный госпиталь.

– Дерьмо. Как он сейчас?

– Стабилен. Прием. Но вояка из него херовый. Какие будут распоряжения?

– Действуем согласно крайнему плану. С поправкой на состояние Седьмого. С ним останется Восьмой. Как понял? Прием.

– Понял вас хорошо. Прием.

– Выполняйте.

– Так точно.

Демьян отложил гарнитуру. Ударился затылком о стену. Еще и еще. Приходя в себя. Нет, с этим точно надо завязывать. Он еще раз такого испытания не выдержит. Может, поэтому бойцов после тридцати пяти и списывали в утиль? Опасаясь за их изношенное сердце? У него, вон, в груди огнем пекло.

Живы... Четверо все-таки живы. Но там, где жизнь – там и смерть. Судьба троих до сих пор оставалась неизвестной. Он думал, что хоть за Восьмого можно не волноваться. Тот находился на крыше соседнего дома, и должен был огрести меньше других. Но несмотря на то, что Иса схлопотал пулю. А скорее несколько, если его ребятам даже пришлось «навещать» госпиталь. Это, в свою очередь, означало, что Второй не выбрался. А у него жена. И дочь. И мать старенькая болеет. Как означало и то, что даже их местоположение, которое он обозначил в последний момент, слили.

Нет, об этом сейчас нельзя было размышлять. Слишком много боль отнимет сил. Тогда как ему нужно думать о том, как отсюда выбраться. Вариантов было несколько. Самый простой – по воде. До соседних *Э всего ничего по морю. Но интуиция Демьяну подсказывала, что там их уже ждут.

Отвлекая его от мыслей, что-то зашуршало. Майор резко обернулся. Девчонка сидела на кровати и пялилась на него

во все глаза. Очевидно, она была все еще голой. Под одеялом, в которое завернулась.

Твою ж мать! Он лишил невинности президентскую дочку! И как только в это вляпался? Не иначе повредился умом. К тому же... откуда ему было знать, что она девочка? Думал, хер с ним, пожалеет. Ему и самому не мешало напряжение сбросить. И вот... Пожалел, бл*дь, на свою голову. А дальше что?

Демьян опустил взгляд на собственный немного испачканный ее девственной кровью член. Который за каким-то чертом опять окреп, стоило только вспомнить, чем они занимались.

– В-все хорошо? – неуверенно уточнила Алина.

– Сейчас узнаем.

Демьян поднялся с пола и, пересев на кровать, потянул на себя одеяло, в которое та укуталась.

– Ч-что вы делаете?

– Хочу убедиться, что все хорошо.

– Убедиться? Что... Какого...

Демьян потянул Алю на себя, заставив снова лечь. Мягко, но неумолимо развел ее ноги. Хотя она, конечно, сопротивлялась. И краснела мучительно, как если бы это кто-то другой еще совсем недавно прижимал ее к себе. В том самом нежном местечке.

– Почему ты не сказала, что девочка?

– Это неважно.

Она выглядела немного... воспаленной, как и должна была выглядеть женщина, после двух оргазмов кряду. Но никаких серьезных повреждений Демьян не обнаружил.

– Конечно, важно. Этого бы не произошло, если бы я знал...

– Почему? – Аля еще раз взбрыкнула, сбрасывая с себя его руки.

А он завис. И правда – почему? Что это меняет? На самом деле многое. Сейчас Алина видела в нем своего спасителя. Гребаного рыцаря в сияющих доспехах. И ничего такого в этом не было. Любой, даже самый захудалый психолог объяснил бы, как формируется такого рода привязанность... А он вместо того, чтобы это все ей разложить по полочкам, трахнул. И тем самым еще больше все усложнил. Ударной дозой выброшенных эндорфинов.

– Потому что сейчас ты в отношении меня придумала то, чего нет. Мы оказались в стрессовой ситуации. И это нормально, что тебя ко мне потянуло...

– Тогда я тем более не пойму, в чем проблема!

– В том, что ты пожалеешь об этом, как только вернешься к своей привычной жизни.

– Думаете, мне не хватает мозгов, чтобы понять, чего я хочу?

– Я не считаю тебя глупой, если ты об этом. Как будущий врач, ты наверняка знаешь, как все устроено в организме. Сейчас у тебя постадреналиновый отходняк. А резкий

спад надпочечниковых гормонов автоматически повышает уровень половых...

Демьян замолчал. Все еще голый, с чудовищным стояком, он в самом деле толкал девчонке лекцию по эндокринологии. Очуметь. Он не знал, плакать ему или смеяться. А та... надо заметить, молодцом держалась. И даже спорить с ним не стала. Пробормотала только:

– Да, я понимаю, о чем вы...

Все еще ему выкая. Вскочила с кровати. Предварительно снова закутавшись в одеяло. Пряча от него свою довольно ладную фигуру. Очень женственную, несмотря на худобу. Демьян перевел дух, решив, что вопрос закрыт. Тоже встал и наклонился, чтобы поднять с пола гарнитуру. И тут она его удивила...

– Но даже если так. Даже если это всплеск гормонов на почве стресса... Что мешает нам выпустить пар?

Демьян медленно выпрямился. Уставился на Алю, не совсем уверенный, что все правильно понял.

– Ты его выпустила. Дважды. Если мне не изменяет память.

Он думал, что румянец не может быть ярче. Но Аля сумела его удивить, став по-настоящему пунцовой. Черт. Дразнить ее оказалось так приятно, что он не смог себе в этом отказать. Наверное, это тоже был один из способов расслабиться. Но все же этим не стоило злоупотреблять. Пожалев о том, что ляпнул, Демьян потянулся к своим штанам.

– Да, но речь не обо мне.

И снова она его удивила. Член качнулся. Будто она приласкала его своими словами. Демьян выругался под нос.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Может быть. Так покажите мне. Девственность мне уже не вернуть, а в остальном... не вижу никакой проблемы.

Он сыпался. Натуральным образом. На каждый его разумный аргумент у неё находился свой. Вроде бы тоже разумный. Ну, или он окончательно свихнулся.

– Тебе будет больно. По ране... Ты... не зажила.

Демьян бляял, как последний кретин! Но кровь так стремительно отливала от мозга, что это было, наверное, даже закономерно.

– Ничего. Я уверена, что...

– Что?

– Вы не причините мне больше боли, чем будет необходимо.

Говоря это, Аля опустила взгляд в пол. И хорошо. Потому что ему тоже нужно было переварить ее слова. Да и ей бы их тоже не помешало обдумать. Еще раз. Демьян все равно не был уверен, что она отдает отчет тому, что говорит. Тогда как искушение согласиться прямо сейчас росло с каждой секундой. Присмирив свои желания, он все же натянул штаны. Пряжка ремня щелкнула.

– Вы не хотите меня?

– Не в этом дело. Просто я должен уйти.

– Как уйти? – всполошилась Алина. – Зачем? Куда? Я могу пойти с вами?

Ну, вот! Об этом он и говорил. Она бы сейчас сделала все что угодно, если бы он попросил. Чтобы только не остаться одной. Демьян боялся, что это «все что угодно» впоследствии для нее может оказаться слишком травмирующим фактором. Дерьмо.

– Нет. Ты останешься здесь. Я постараюсь вернуться быстро.

– Может быть, вам тоже пока лучше не высовываться?

– Мне нужно позаботиться о нашей безопасности в дороге. Потому что больше это некому сделать.

– Мы куда-то едем? – Аля взволнованно облизала губы.

– Нет. Пока с этим не стоит спешить. Прямо у них под носом мы в гораздо большей безопасности, чем где-либо еще. Но на будущее нам нужно найти надежный транспорт. И документы. А для этого мне нужно кое с кем встретиться... эм... с одним человеком.

В этих краях Демьян работал не один раз. И, к счастью, знал, к кому обратиться. Люди не слишком простые, зато надежные. У них можно было купить все. От бэушного внедорожника, способного пересечь пустыню, до небольшого ядерной боеголовки. Вот уж где настоящий арабский рынок...

– А что мне делать?

– Поспи. Сейчас самое время.

Он бы и сам с радостью прикорнул. Хоть на полчаса. Но пока не мог себе этого позволить. Демьян достал из кобуры пистолет. Была у отечественного спецназа одна отличительная особенность – они могли выбирать оружие сами. Его любимое – австрийский Глок. Убойный даже под водой. Переделанный под него. Ну, и усовершенствованный одним умельцем. У Демьяна с этим красавчиком давняя любовь сложилась. А вот теперь придется отдать... Прости, брат. Это ненадолго.

– Умеешь стрелять? – спросил он, протягивая оружие девочке. Она уже тоже успела одеться. Все в тот же халат. И теперь стояла, внимательно за ним наблюдая расширившимися от паники глазами.

– Да. Папа учил...

Демьян поморщился. Вот о ее папе ему сейчас вообще вспоминать не хотелось.

– Тогда держи. Чего стоишь?

Нет, конечно, он не думал всерьез, что ей придется отбиться от врагов. Иначе никуда бы не ушел. Просто так ей будет наверняка спокойней. Зная, что при случае она сможет себя защитить.

– А как же ты?

– За меня не беспокойся.

Оружия у Демьяна было столько, что он в одиночку смог бы продержаться против целого взвода. Впрочем, лучше бы этого от него не потребовалось. Не то что он не хотел раз-

мяться...

Он быстро оделся, отсекая мысли о девчонке, проверил оружие. И снова на нее посмотрел, лишь когда пришла пора прощаться.

– Да не бойся ты так. Я вернусь.

– Хорошо.

Он кивнул, обулся и пошел прочь. А через некоторое время услышал за спиной её торопливые шаги. Оглянулся. Аля спрятала за спину руку, которую подняла, чтобы... осенить его крестным знаменем. Демьян всю дорогу улыбался. Потому что это было смешно. Он ведь как есть араб с виду. Надо ей сказать, чтобы не думала нигде на людях повторить этот номер. Потому что вся их конспирация накроется медным тазом. В мусульманской-то стране... Дурочка. А вот ведь черт, кроме смеха. Это было как-то даже... трогательно. Его только мама крестила. В те редкие случаи, когда им позволяла видеться его работа. И молилась за него. В группе Первого называли везунчиком. Он каждый раз, в какой бы ни был передрыге, выходил сухим из воды. Сам Демьян это объяснял своей подготовкой. Но иногда, когда на него накатывал приступ сентиментальности, а такое тоже случалось, он думал... В общем, думал о том, что, может, мамины молитвы ему помогают тоже.

И вот теперь девчонка туда же. Смешная. И красивая. Очень.

Глава 6

Поначалу она держалась неплохо. Чтобы скоротать время, обошла квартиру. Заглянула в каждую дверь, в каждый шкафчик. Кроме гостиной, спальни и кухни здесь обнаружили еще одна спальня и комната, которую Алина нарекла библиотекой из-за установленных в ней стеллажей с книгами, уходящих под самый потолок. Она ходила, разглядывая корешки выстроившихся в ряд томиков, брала какие-то из них, открывала, листала дрожащими пальцами и возвращала обратно. Переходила к другим полкам. Но если бы кто-то спросил, какие книги успели побывать у нее в руках, она бы вряд ли ответила. И не потому, что те были исключительно на арабском. Это не так. В большинстве своем здесь были собраны англоязычные издания.

Резкий гудок клаксона, донесшийся с улицы, заставил Алю вздрогнуть. Очередная книга вывалилась из рук, ударив ее по ноге. Алина подняла увесистый томик и подошла к окну. Дом, в котором располагалась их квартира, имел полукруглую форму. А потому ей было отлично видно окна соседей. И мужчину, который, стоя на террасе, разговаривал по телефону... Он улыбнулся чему-то. Взмахнул рукой. И... уставился прямо на неё. Аля шарахнулась в сторону. Сердце ухнуло в пятки, и страх, который она гнала, вернулся непрошеным гостем.

А что, если за ними следят? А что, если этот араб – преступник? Он ее видел? Он же смотрел на нее, правильно?! Почему майор не сказал ей держаться подальше от окон?

Аля выглянула тайком из-за шторы. Мужчины на террасе не было. Скорей всего, араб вернулся в квартиру, но... Что, если он ей просто почудился? Что, если она сходит с ума? Или уже сошла, не выдержав свалившихся испытаний? Чуть не плача, Аля резко задернула шторы. И не с первой попытки – разобраться с пультом от умного дома оказалось не просто – выключила свет. Чтобы ее не увидели в темноте, даже если каким-то образом занавески вдруг станут прозрачными. Пробежалась по квартире, закрывая их на каждом окне. Нашупала в кармане рукоятку Глока. Коснулась прохладной стали пальцами. Сделала глубокий вдох. И медленно выдохнула.

Еще совсем недавно Аля думала, что ни за что не сможет выстрелить в живого человека. Она была пацифисткой до мозга костей. А сейчас... Сейчас она и сама не знала, чего от себя ждать. Случившаяся беда настолько изменила Алину, что ей было натуральным образом страшно! Посмотрев в зеркало, не узнать себя в отражении.

К тому же... Изменения произошли не только с ее психикой. Она, наконец, стала женщиной! И об этом тоже забывать не стоило. Аля остановилась посреди коридора. Прижалась лбом к стенке, ощущая легкие спазмы внизу живота. И тянущую боль внутри.

Щеки горели. Может, она, конечно, и повзрослела слишком быстро, но девичье стеснение никуда не делось. И воспоминания о том, как откровенно её ласкал майор, где он ее ласкал... смущали Алину ужасно. Конечно, она читала в книжках, что так бывает, но абсолютно не была готова к тому урагану чувств, что её подхватил и понес куда-то к звездам, когда она кончила. А впрочем, можно ли к этому в принципе быть готовой? У всех ли это проходит... так? Аля не знала. Но была уверена, что оно точно стоило той раздирающей боли, что ей пришлось испытать, когда он в нее погрузился. Боль в самом деле была чудовищной. Ненормальной. Несмотря даже на то, что Демьян самым тщательным образом подготовил её к происходящему. Просто, может быть, она была для него слишком маленькой. Потому что он... Он был большой. Не то чтобы Аля была таким уж специалистом в размерах.

Воспоминания о Демьяне отвлекли. Он прав. Он, конечно, прав. Она попала от него в зависимость. Это было неминуемо. Для нее он стал островком безопасности. Рядом с ним Аля чувствовала себя защищенной впервые за много дней. Но... только ли поэтому она в нем так нуждалась? Или все объяснялось гораздо проще? Например, тем, что к такому мужику, как Богданов, в принципе не могло не потянуть. Ведь он был самым сильным самцом в стае. Он завораживал исходящей от него силой и был умопомрачительно сложен. А еще он точно знал, что нужно женщине. И не брезговал

это дать.

Он был опасный.

Нет... Вряд ли бы она перед ним устояла. Её бы один черт к нему потянуло, даже если бы их знакомство произошло в той, прежней, спокойной жизни. Другое дело, что в той ее жизни они бы с ним никогда не встретились.

А ведь он ей подходил. Они совпадали. Если не размерами, то всем остальным точно. Аля усмехнулась. И сильней сжала ручку Глока.

Что бы Демьян ни думал, он был тем самым. Кого она ждала. Это до встречи с ним Алина не понимала, почему у нее с парнями не ладится. Как-то не везло ей в личной жизни. Она два раза была в отношениях с ровесниками. И один раз – с достаточно взрослым мужчиной. Помощником отца, к связи с которым тот ее упорно подталкивал. Одногодки казались Але ужасно мелкими и ограниченными. А Кириллов, в принципе, был ничего. Но сходяв с ним пару раз на свидание, и один раз почти переступив черту, Алина, поняла, что и он – совсем не то, что ей надо. Она поэтому остановилась. А вот он сдержался с трудом.

– Нельзя так дразнить мужчин. Давай, Аля, не ломайся, как целка... – пыхтел он ей в ухо. Но она извернулась и таки умудрилась встать.

– Почему как? – бросила она, одергивая одежду. Глядя куда угодно, но не на него. Удивляясь то ли тому, что позволила ситуации зайти так далеко, то ли своему отвращению,

которое за этим последовало.

Однозначно майор не показался ей отвратительным. И то, что он делал, не будило в ней ничего, кроме ответной страсти. Куда только девалось ее смущение, когда он впился ртом в ее истекающую соком плоть?

– Господи... – шепнула Аля, – пусть с ним будет все хорошо!

Не зная, чем еще себя занять, как убить время, будто застывшее в этом месте, Аля толкнула дверь в ванную. И только закрыв ее за собой, щелкнула выключателем. Над джакузи вспыхнула роскошная люстра. Яркий свет резанул по глазам. Алина поморщилась.

В каком-то глупом женском романе она читала, что теплая вода может облегчить боль. В том самом месте. Наверное, ей нужно было позаботиться о себе, ведь если майор действительно вернется, может быть... может быть, он захочет воспользоваться ее предложением. Ей лучше быть готовой.

Если он только вернется...

Аля включила кран. И опустилась на пол, наблюдая за тем, как наполняется джакузи. Открыла баночки, понюхала содержимое. В одной оказалась морская соль, и она добавила ее в воду. В ванной тут же запахло амброй и чем-то еще. Восточным, скорее всего... ладаном? Аля пожала плечами. Скинула халат, предусмотрительно вынув из кармана пистолет. Положила тот на бортик и хотела было уже ступить в воду, но задержалась. Поймав свое отражение в зеркале.

Она теперь женщина. Да... И вроде ничего глобально в ней не изменилось. Но Але казалось, что изменилось все вообще. Истерзанные соски стали ярче, зацелованные губы – пухлее. Вся она будто отяжелела и налилась.

Аля потрогала пальцами небольшие ссадины. Последствия воздействия его щетины на её нежную кожу. Коснулась уже начавших желтеть синяков, оставленных прикосновениями других... чужих рук. Далекое не таких обходительных. Волна озноба охватило тело.

Нет. Они не били её нарочно. Но и особенно не церемонились. Отец был её иммунитетом от прямого насилия. Но не от унижения. Которое Аля испытывала, когда её хватали за задницу, или толкали в спину, или щипали за грудь, говоря о чем-то на своем языке и хохоча, будто это было действительно весело. Имя отца не защищало её от сальных черных взглядов, которыми её лизали, от их пошлых намеков. И скабрёзных шуточек.

И то, и другое – метки. Но если метки Демьяна она носила на себе даже с какой – то гордостью, то тех, других – ужасно стеснялась. Хорошо, что на загорелой коже те не особенно бросались в глаза.

Аля села в воду и откинула голову на бортик, продолжая одной рукой касаться Глока. Чуть развела ноги, позволяя воде омыть её, и потом резко сжала. Поражаясь тому, какие острые ощущения вызвала в ней эта небольшая шалость. Аля все еще оставалась непривычно припухшей и возбуж-

денной. Хотя с их первого раза прошло вот уже несколько часов.

«Боже, где же он? Почему не возвращается к ней так долго?» – Алина всхлипнула. Ну, и черт с ним! Она одна. Кого ей стесняться? Можно хоть в голос выть. Никто не услышит. А можно, напротив, представить, что он рядом. И лучше второе, ну правда... Чтобы не сойти с ума.

Аля зажмурилась. Воскрешая в памяти облик майора. Это было легко. Слишком уж он был запоминающимся. Теплая вода обнимала. Пузырьки гидромассажа ласкали одеревеневшие от напряжения мышцы. Можно было представить, что это он... Ласкает ее и нежит. С силой вцепившись пальцами одной руки в ствол, второй Алина провела по лицу, опустилась по шее, к груди. Замерла, не решаясь коснуться саднящих вершинок. Закусила губу и все же легонько сжала. Точно повторяя то, как это делал он. Потерла подушечками, потянула. Представляя, что это руки Демьяна... В животе будто образовалось маленькое солнце. Раскаленное. Выбрасывающее в космос ее тела обжигающие потоки плазмы.

Ниже... Ниже... По животу. Вниз. Остановилась, задыхаясь. С трудом справляясь со слезами, которые почему-то набежали на глаза. И решительно скользнула дальше. Одно легкое касание подорвало. Аля испуганно дернулась и ушла под воду с головой. Вынырнула, захлебываясь. Вскинула руку с зажатым в ней пистолетом, чувствуя, что больше не одна.

– Опусто оружие.

– Вы до чертиков меня напугали! – закричала Аля, откладывая пистолет. Руки, которые теперь, кажется, дрожали постоянно, задергались, словно с ней случился эпилептический припадок. Она обняла себя, впиалась ногтями в предплечья.

– Тише... Тише! Все хорошо.

«Все хорошо... Все хорошо! Теперь все хорошо». – Аля всхлипнула громче.

– Вам нужно было дать мне знать, что вы вернулись.

– Да. Нужно было, – легко согласился майор. Эта неожиданная покладистость так удивила Алю, что она даже глаза открыла. И уставилась прямо на его. Майор подошел поближе. – Просто не хотелось тебе мешать.

Ей показалось, или его голос и правда немного осип?

– Не хочешь продолжить? – спросил он и легонько повел подбородком, указывая известно куда.

– Нет, – сглотнула и отвела взгляд Аля. – Как все прошло?

– Хорошо. Я же здесь, – пожал плечами.

– И... что теперь? Мы уедем?

– Да. Через пару дней. Когда они решат, что упустили нас на границе.

– И почему они так решат?

– Потому что у них появятся свидетели, которые подтвердят, что видели похожую на тебя девушку.

– Ясно, – пробормотала Аля. – Тогда у нас есть в запасе

несколько дней.

– Угу.

– И чем же мы займемся?

С ответом майор не спешил. Некоторое время в ванной были слышны лишь звуки, с которыми в джакузи пузырилась вода.

– Это зависит исключительно от тебя.

Аля догадалась, о чем он толкует. И было бы глупо делать вид, что не поняла. Но с другой стороны, она не знала, как ей сказать Демьяну о том, что не передумала. Он ведь её не спрашивал. Ну, не предлагать же себя... опять?

– Значит, я могу выбирать?

– Сто процентов.

– А между чем и чем?

– Мы можем посмотреть телевизор.

– Я не фанат арабского телевидения.

– Или поиграть в шахматы. Я, кажется, видел шахматную доску.

– И не фанат шахмат.

– Ну, тогда я мог бы закончить то, что ты сейчас начала...

Аля задрожала. Стиснула бедра...

– Х-хорошо. Вообще-то я п-представляла именно вас. Но, думаю, реальность будет намного лучше мечты, – прошептала, непонятно где взяв на это силы.

Пару секунд понадобилось Демьяну на то, чтобы обдумать ее слова. Еще несколько, чтобы раздеться. Снять с себя ору-

жие и бронезилет. По крайней мере, Алина решила, что легкая с виду жилетка – это именно он.

А потом майор шагнул к ней в воду. Но сел не напротив, как было бы логично. А на одну сторону с ней. А потом и во все одним стремительным движением пересадил Алю, устранив ее между собственных ног. Она почувствовала попкуй, как он возбужден. Завозилась, и смущенная, и заведенная до предела.

– Тебе понравилось? – шепнул он на ухо.

– Что именно?

– Игры с водой.

– Не знаю. Мне просто хотелось отвлечься, – пробормотала Аля. – Вот и все.

– Ясно... Тогда ты будешь не против небольшого эксперимента. Ну-ка... – Демьян вынул лейку из держателя, включил кран и неожиданно направил струю воды к изнывающему местечку чуть ниже её живота.

Глава 7

С одной стороны, ему даже повезло. Девчонка оказалась необычайно чувствительной. Демьяну было интересно исследовать ее тело. Оно было таким отзывчивым! Но с другой... счет был уже три ноль. В ее пользу. И что-то подсказывало майору, что он не скоро его сравняет.

Аля кончила, выгибаясь в его руках. Захныкала, заскулила... Ерзя на его стояке, раздувая пожар. И, наверное, хорошо, что они в этот момент находились в воде. Та хоть немного сбивала пламя. Хотя, один черт, у него разве что дым из ушей не валил от происходящего. А вот она, сделав дело, взяла и... уснула. Прямо в джакузи. Богданов своим глазам не поверил. И даже легонько тряхнул горе-любовницу за плечо. Ну, мало ли.

Вот тебе и скинул напряжение.

Майор хмыкнул. Покачал головой, удивляясь тому, что с ним это и впрямь случилось. Осторожно ссадил Алю и выбрался из ванны. Та завозилась, открыла глаза. Сладко зевнула и, снова зажмурившись, устроила светловолосую голову на бортике. Он чуть не засмеялся.

– Нет уж, тебе лучше перелечь в кровать. Давай, я помогу.

Девчонка недовольно нахмурилась. Но когда Демьян потянул её за руку, вроде проснулась. Выбралась из джакузи и даже сама кое-как вытерлась. А вот в спальню он ее уже во-

лок на себе. Чувствуя, как крепкая девичья грудь царапает его сжавшимися в камень сосками. Только это ему и напоминало о том, что перед ним взрослая девушка. В остальном президентская дочка больше походила на ребенка. Одно то, как быстро она отключилась, чего стоило! Вот и на хера ему это?

Демьян осторожно опустил Алю на кровать, прикрыл одеялом и завис на некоторое время, ее разглядывая. Девчонка была явно истощена. Усталость и страх оставили на ее лице свой отпечаток. От румяных щечек, которые он видел на фотографии, ничего не осталось. Те запали. А вот тонкие линии скул, напротив, обозначились четче. Даже во сне Аля хмурилась. Между светлых бровей залегли несвойственные молодости складочки. Ее лицо выглядело изможденным, а губы – запекшимися. Будто ее кто-то по ним ударил.

Не удержавшись, Демьян погладил их пальцем. Девчонка мотнула головой. Под сомкнутыми веками хаотично двигались глазные яблоки. И, похоже, ей снился какой-то кошмар. Первый готов был поспорить, что радостные сны теперь к ней вернуться нескоро. Дай бог, чтобы вообще... Может, он потому и согласился стать для нее отдушиной, чтобы ей было на что отвлечься.

Первый...

Демьян улыбнулся. По всему выходило, что его позывной заиграл абсолютно новыми красками. Приобрел совсем другой, скрытый от всех смысл.

Он всегда был Первый в бою. А теперь, вот, и у нее... первый. Если считать первым тот раз, который ничем, в общем — то, не закончился.

В животе заурчало. Демьян растер лицо и пошел прочь. На плите в кухне стояла кастрюля. Он открыл ее и подозрительно обнюхал содержимое. Еда пахла вполне пристойно. Он нагрузил себе полную тарелку риса. Схватил жареный стейк и оторвал большой кусок зубами. Жрать хотелось так, что было как-то не до этикетов вроде ножа и вилки.

А девчонка, похоже, действительно умела готовить. Нечасто ему доводилось отсиживаться в таких условиях. Шикарная квартира. Да еще и горячий ужин. Жир. Обычно они с ребятами прятались в каких-то клоповниках. Или вовсе днями лежали в лежке. Жарясь на солнце или, напротив, стуча зубами от холода. А тут прямо курорт какой-то. Если бы не боль, которая терзала его кишки и обгладывала кости...

Пятеро из восьми точно живы. Это много или мало? Как понять, достаточно ли этого, чтобы справиться? Если окажется, что больше никто не выжил. Если окажется, что их чуть больше половины. Половины от целого.

Демьян быстро доел. Закрыв глаза, отгоняя страшные мысли. Он это мог. Научился. Их специально под это затачивали. Концентрироваться на задаче, не думая ни о чем другом. Отбрасывая в сторону эмоции. Отключая на время и боль, и страх, и сомнения...

Он сунул тарелку в посудомойку и вернулся в спальню.

Чтобы мозг работал как следует, ему нужно было выспаться. Демьян ловил себя на том, что ему с каждой минутой все трудней концентрироваться. Что было неудивительно. Он не спал толком вот уже несколько дней. И теперь, когда ему удалось уладить все вопросы, он, наконец, мог позволить себе ненадолго расслабиться. Им предстояла долгая и опасная дорога. На которую нужно было набраться сил.

Демьян дал себе команду отбой. И уснул почти в то же мгновение. Этому их учили тоже.

Спал майор всегда чутко. Поэтому он четко уловил момент, что девчонка проснулась. Ощутил, как она напряглась, почувствовав, что не одна в кровати. И как почти в то же мгновение расслабилась. В тишине прозвучал ее тихий вдох. Простыни зашуршали. Интересно, сколько они проспали? Внутренние часы подсказывали, что часов десять – не меньше. А значит, время перевалило за полдень. Надо было вставать. Отлить. И связаться с парнями, чтобы узнать о самочувствии седьмого. Но что-то подсказывало Демьяну не торопиться. И он затаился. В ожидании непонятно чего.

Аля снова вздохнула. Перевернулась на бок и в первый раз сама коснулась его груди, чтобы буквально в тот же миг отдернуть руку. Ее дыхание изменилось. То ли от страха, то ли от возбуждения оно стало частным-частым... И неглубоким. Демьян ощущал легкие колебания воздуха в области шеи.

«Ну, давай же!» – чуть было не рявкнул он. Но вовремя

сдержался, позволяя девчонке делать то, что ей хочется. В конце концов, он у Алины первый, её любопытство понятно. А нерешительность оправдана полностью.

Демьян сжал кулаки, усилием воли приводя в норму дыхание и замедля сердечный ритм до относительно приемлемого.

Девчонка помедлила, собираясь с мужеством. И все же коснулась его груди снова. Уже более уверенно. И даже подтянулась на матрасе повыше, чтобы лучше контролировать ситуацию. Прошлась пальцами вверх. Затаилась. С шумом сглотнула. И царапнула острым коготком его плоский сосок. Демьян понял, что Аля в точности повторяет то, что он сам делал с ней еще совсем недавно. За неимением личного опыта в этом деле ей ничего другого не оставалось, кроме как повторять.

И ведь майор никогда ни к одной женщине не испытывал каких-то особенных собственнических чувств. Он вообще считал, что это очень глупо и несовременно. А теперь... Теперь он был вынужден пересмотреть свои взгляды. Алина невинность вдруг оказалась для него довольно волнующим опытом. Было что-то ужасно притягательное в мысли стать для женщины первым. Научить ее всему. Провести по витиеватым дорожкам чувственного удовольствия. От начала... и так далеко, как только позволят ее границы.

Аля села, к одной ладошке присоединилась вторая. Окончательно обнаглев, она погладила его выпуклые мышцы,

провела по выступающим жгутам вен. Вниз. Очертила мышцы пресса и замерла, нерешительно перебирая пальцами короткие жесткие волосы внизу его живота. Демьян закусил щеку. Скомкал в кулаках простынь. И, видимо, все же выдал себя. Потому что девчонка опять отдернула руки.

– Не хочешь продолжить? – хрипло спросил Демьян.

– Х-хочу... – едва слышно шепнула Аля.

– Тогда действуй. Смелей. Я не кусаюсь. И он тоже.

С губ Алины слетел испуганный смешок. Этого он и добивался.

– Мне жаль, что я уснула.

– Да уж. Это было невежливо, – невольно улыбнулся Демьян.

– Я постараюсь, чтобы такое больше никогда не случилось, – заверила Аля. А когда он уже готов был заржать в голос, опять скользнула пальчиками по его животу и осторожно обхватила плоть. Демьян зашипел.

– Вам больно?

– Нет, – процедил он, запрокидывая голову и делая несколько жадных вдохов. – Мне хорошо. Продолжай.

– Так? – Аля подержала его в кулаке и легко сжала.

– Крепче, – майор накрыл ее руку своей и несколько раз с силой провел по стволу вверх-вниз.

Алина всхлипнула. Демьян открыл глаза. И уставился прямо на неё.

– Мы не будем этого делать, если ты не хочешь.

Реакции девчонки его порядком сбивали с толку.

– Хочу, – облизала губы. – Просто я немного беспокоюсь... Как у нас все получится. Он очень большой, – склонившись над майором, шепнула прямо в ухо. Будто это была какая-то секретная информация. Ну, вот и как тут было не засмеяться от такой непосредственности? Он лично держался исключительно потому, что боялся задеть её в лучших чувствах.

– Поверь, у тебя получится.

Уж он-то точно был в этом уверен. Один-то раз она его приняла. Демьян старался не вспоминать, какой невозможно тугой она была, потому что от этих воспоминаний все могло закончиться, не начавшись. В то время как у него на этот счет были совсем другие планы.

– Почему вы в этом так уверены?

Демьян перевернулся на бок. Теперь уже он нависал над Алей. Опершись на предплечье одной руки, второй он достаточно бесцеремонно скользнул ей между ног. Размазал влагу.

– Потому что ты готова.

– Аа-а-ах.

Аля сжала его запястье. Выгнулась. Демьян приласкал выпирающий бугорок. Растер сок и скользнул ниже. Погрузил внутрь сначала один палец, потянул. С ума сходя от того, что делает. И от того, как она реагирует на каждую ласку. Но в то же время всерьез опасаясь, что и в этот раз у них получится

игра в одни ворота.

Нащупал ее ладошку. И притянул к себе. Мол, ты, конечно, кайфуешь, но и честь знай. Я тоже, мать твою, не железный. Аля оказалась девочкой понятливой. Дважды объяснить не пришлось. Она зажала ствол и резко, как он учил, работала рукой, пока он уже при помощи двух пальцев ее растягивал, подготавливая к главному блюду. Через пару минут они задыхались оба. Демьян отстранился, прерывая горячий и влажный поцелуй.

– Готова? Больше я тебя уже не разработаю...

– Да, – Аля отчаянно затрясла головой. Своими ласками он завел ее просто до предела. Она уже вообще не думала, как оно будет... И не боялась. Она хотела кончить. Потому что это было невыносимо. Невыносимо чувственно, немного стыдно и ужасно сладко.

– Хорошо. Выдыхай...

Одну руку Демьян просунул ей под попку, другой приставил член к входу и чуточку надавил.

– Все хорошо... Вот, так. Моя ты хорошая. Нежная. Тише-тише. Не зажимайся. Больно? Потерпи... Сейчас твоя девочка попривыкнет. Вот так. Тш-ш-ш...

Он молот какую-то ерунду, но это помогало Але отвлечься. Она билась под ним и металась, а потом затихла, когда и он, полностью погрузившись, замер. Давая ей передышку. Лишь ее внутренние мышцы судорожно сокращались. То ли чтобы его вытолкнуть вовсе, то ли чтобы, напротив, втянуть

поглубже. Хотя, казалось, куда уж? Эмоции захлестывали.

– Спасибо! – вдруг заплакала Аля. Демьян растерянно погладил ее по волосам, но вместо того, чтобы выйти, как было бы, наверное, правильно, лишь со стоном еще раз в неё толкнулся.

– За что? – процедил сквозь зубы.

– За все... – заплакала Аля. – Ты такой... Я люблю тебя. Мне кажется, я тебя сразу полюбила.

Конечно, это был бред чистой воды. Точнее, даже не так... Аля ведь действительно верила тому, что говорила. Просто она не знала, как быстро поймет, что ошиблась. Ну, и ладно. Хер с ним. Не доходит сейчас – и пусть. Демьян не представлял, что слова любви могут оказаться такими... приятными. И настолько коварными, что вмиг сметут его тормоза. Любые контроли...

Он обхватил ладонями полумесяцы Алиной попки, втянул в рот ее сосок. И уже вообще не сдерживаясь, стал ее на себя нанизывать.

Вдруг все, что его сдерживало, перестало иметь значение. Кто он... кто она. Обстоятельства, толкнувшие их в объятия друг друга. Его мир сузился до её потрясенных совершенно потерянных больных глаз. Аля тоненько застонала, впиваясь ногтями в его спину. Подкинула бедра. Упираясь пятками в матрас. Кончая. Сокращаясь вокруг него и не отпуская.

«Выходи, придурок! Выходи!» – мозг отбивал сигналы SOS морзянкой.

Он с хрипом выскочил в последний момент. И не в силах себе отказать в этом идиотском желании, выплеснулся ей на грудь.

Глава 8

– Молчат? – Аля притащила приготовленный поднос с едой и осторожно поставила на пол рядом с Демьяном. После их пробуждения и всего того, что за этим последовало, прошло вот уже несколько часов.

Майор взглянул на нее. Улыбнулся криво и качнул головой:

– Молчат.

Алина поежилась. Заметив это, Демьян протянул руку и пододвинул ее к себе. Накрыв затылок ладонью.

– И зачем я поперлась в С*? – шепнула Аля ему в шею. В который раз поражаясь тому, как странно устроен человек. Тому, что в нем каким-то образом уживаются такие разные чувства... Ведь по большому счету она никогда еще не была так счастлива. И так несчастна одновременно с этим. Ее бросало из крайности в крайность. От эйфории к бездонной пропасти отчаяния. От чувства парения и невесомости до неподъемной прибывающей к земле тяжести.

– Помогать в лагере беженцев.

– Да. А вот зачем...

– Затем, что ты добрая девочка и не могла иначе?

Не отрываясь от его шеи, Аля затрясла головой. Ей так безумно нравился его голос. Тихий и успокаивающий. Уверенный. Ровный всегда. Но теперь, после того, что между

ними случилось, еще и чуточку насмешливый. Будто майор рядом с ней позволил себе чуть больше, чем со всеми другими. Будто она тоже для него стала... не только работой.

– Если бы...

– Неужели не угадал?

– Нет. То есть я, конечно, хотела помогать, да. Но гораздо больше я хотела обратить на себя внимание родителей. Иногда я слышала доносящиеся откуда-то звуки взрывов и думала – вот если бы со мной что-то случилось! Тогда бы они пожалели...

Аля запнулась. Демьян поцеловал ее в висок.

– О чем?

– Не знаю. О том, что проводили со мной мало времени. О том, что я для них вроде и не существовала. – Алина тяжело вздохнула и, застыдившись собственной откровенности, поспешно добавила: – Теперь-то я понимаю, какой это бред. И что мои проблемы на фоне проблем других людей – суцая глупость. Знала бы, чем это обернется... – всхлипнула. – Вы меня простите, пожалуйста...

– Ты ни в чем не виновата. Командовал операцией я. С меня и спрос... – Демьян не договорил, потому что у него ожил телефон. Аля такой у него не видела. Может быть, майор купил его, когда выходил. Ни слова больше ей не сказав, он приложил трубку к уху. И напряженно уставился перед собой, вслушиваясь в тихий голос на том конце связи. Такой тихий, что Аля, будучи здесь же, рядом, вообще ничего не

разобрала. Но по той силе, с которой Демьян, сам того не осознавая, тянул ее за волосы, догадалась, что ничего хорошего он не услышал. Внутри похолодело от страха.

– Какова вероятность ошибки? – просипел Богданов. Выждал еще секунду и, медленно отстранившись, встал. – Ясно. Береги себя.

Надо заметить, выглядел он диковато. Аля осторожно протянула руку, желая его утешить. Уверенная, что прямо сейчас он в этом как никогда нуждается, но еще не понимающая, почему. В ответ на ее жест Демьян шарахнулся в сторону. Задел ногой поднос. Но, кажется, даже не заметил этого.

– Погодите. Куда вы? Случилось что-то плохое?

Демьян резко обернулся. Уставился на нее так, будто впервые видел. В бессилии сжимая и разжимая руки. Дыша, как фридайвер после длительного погружения. С хрипом вгоняя в себя и выкачивая воздух. Окружающее их пространство будто вибрировало от сумасшедшей энергии, которая от него исходила подобно кругам на воде.

– Второй погиб.

– О господи... – Аля понимала, что это ему сейчас меньше всего надо, но не смогла удержать слез. Плотину боли прорвало. Препятствия просто смело. – Мне очень жаль. Мне так жаль... – плакала она. – Я могу вам чем-то помочь?

– Нет, – отрезал майор. И больше не было в его голосе ни насмешки, ни тепла, ни спокойствия. Лишь раздражающая душу боль, которую плохо маскировали равнодушие и холод.

Майор вышел, и Аля осталась одна. Наедине со своей виной. Ведь что бы он ей ни говорил, она себя простить не могла. Вина сидела в ней занозой. И не выдавить ее было, не выковырять. Но, что самое страшное, не искупить. Только забыть... ненадолго. В его сильных руках забыть.

Аля плакала, пока у нее не закончились слезы. Она представляла, каким был этот человек. Наверняка молодым. Полным каких-то планов. Может быть, влюбленным. Или разочаровавшимся в жизни. Живым. Ей хотелось знать об этом мужчине все-все. Но в то же время ей хотелось отмотать пленку назад. Чтобы никогда... никогда о нем не услышать.

Когда ее одиночество стало невыносимым, Алина отправилась на поиски майора. Пусть винит её, пусть ругается и кричит. Что угодно. Лишь бы не эта тишина. В которой снова и снова она слышит звуки выстрелов. И гадает, какой из них стал финальным.

Демьяна не оказалось ни в спальне, ни в кухне, ни в библиотеке. Тогда она остановилась у двери в ванную. Собралась с силами. Подергала ручку. Но услышав громкий то ли вой, то ли крик, который не смог заглушить шум воды, замерла мышкой. Но это невозможно было долго терпеть! Невозможно слушать и оставаться безучастной. Аля забарабанила в дверь.

– Откройте! Слышите? Откройте... Пожалуйста!

Он, конечно, открыл. Но до этого прошла не одна наполненная страхом и тишиной секунда. Голый по пояс Демьян

представлял собой довольно страшное зрелище. Пудовые кулаки сжаты. Жилы на мощной шее вздулись. Он с трудом контролировал рвущегося на волю зверя, и это так сильно бросалось в глаза! Будто она и впрямь могла видеть, как тот ворочался внутри и скалил зубы. Отчего грудная клетка майора ходила ходуном... А ко всему, по его волосам и густой бороде стекала вода. Наверное, Богданов сунул голову под кран, чтобы остыть. Но Аля не стала бы утверждать, что ему это удалось.

– Что такое? – тихо и довольно спокойно поинтересовался он. На контрасте с его диким взглядом этот тон казался каким-то нереальным.

– Я переживала за вас. – Аля взволнованно облизала губы, прежде чем сделать шаг, максимально сокращая дистанцию между ними. Осторожно, боясь не то спугнуть, не то, напротив, спровоцировать, обхватила ладонью его каменно-твердый бицепс и сжала пальцы.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы тебе стало легче.

Хватит выкать! Хватит стесняться. Хватит делать вид, что сильная.

– Это невозможно. Отойди, пожалуйста.

– Нет.

К черту! Страшнее и хуже, чем сейчас, ей уже не будет. Вместо того, чтобы отойти, она, напротив, впечаталась в грудь Богданова. Тот сбросил ее ладони и пошел мимо Али.

Но она обогнала его и забежала вперед.

– Уйди. Не то потом пожалеешь.

Он говорил ровно, да. И вроде бы зло. Не по интонациям. Но по смыслу наверняка. Да только ей совсем другое в тех словах чудилось. Демьян будто умолял её. Умолял...

– Нет.

– Привыкла, чтобы последнее слово оставалось за тобой?

Видимо, он намекал на то, что она капризная дурочка. Ну, еще бы. Так думал каждый из тех немногих, кто знал, чья она дочь. Чего еще от такой ждать? Это понятно. Обидно только, что и майор туда же. Впрочем, если это поможет ему выпустить пар... Пусть. Пусть обижают.

– Нет. Напротив. С моими словами никогда не считались. Как и с желаниями.

Демьян шумно вдохнул носом. И выдохнул, запрокинув лицо к потолку.

– Просто отойди. Пока еще можешь.

– Нет.

– Я считаю до трех. Раз.

– Нет.

– Два... – выбросив вперед руку, Демьян обхватил ее за шею сзади и потянул вниз. Сверля черным обезумевшим взглядом.

– Нет.

– Три! – его ладонь соскользнула на плечо, толкая Алю на пол. Она неуклюже опустилась на колени. Зачарованно

уоставившись аккуратно на его пах. Майор расстегнул пряжку. – Три! – повторил сипло.

– Три уже было. Я все еще здесь.

Аля сама потянулась к нему. Стянула штаны вместе с трусами к щиколоткам. Думала, он накинется на нее тут же. Демьян был в таком взвинченном состоянии, что она бы не удивилась. Но он, напротив, попятился. И чтобы не отстать, ей пришлось за ним ползти. Пока он не уперся спиной в стенку.

Ну, точно загнанный в угол зверь.

Существовал только один способ его приручить. Нежность. Аля зажмурилась и прижалась щекой к бедру майора. Потерлась ласковой кошкой. Она понятия не имела, что делать дальше. На ум ничего не шло. Любая здравая мысль терялась в вихре других. Глупых и важных. Болезненных и дарящих надежду. Сердце колотилось как ненормальное. Будто подсказывая, он качнулся в миллиметре от ее лица. Аля на шевельнулась, задевая упругую плоть губами. Взяла на пробу в рот. И подняла на него затуманенный взгляд, чтобы вот так впустить глубже. Еще и еще. Пока он, окончательно слетев с катушек, не перехватил инициативу. Сжал ее голову двумя руками, задавая свой бешеный темп. Не щадя, прокапываясь по горлу. Так что очень скоро у нее брызнули слезы из глаз. С хрипом кончил и, полностью обессилив, скатился по стенке на пол.

Аля выглядела не слишком свежо после случившегося. Но когда он поднял ее лицо за подбородок, сопротивляться не

стала. Только нос вытерла – не то ведь совсем ужас. А потом без промедления встретила его взгляд. Черный, абсолютно безумный, да...

– Ты в порядке?

Аля кивнула. Потянулась к нему и неуверенно замерла.

– Глупая... – шепнул он. И поцеловал истерзанные губы. Ласково прошел языком. Слизал слезы со щек и с шеи... – Испугал тебя?

– Чем?

– Вот этим.

Он зажал ее горло большим и указательным пальцами и провел вверх-вниз. Повторяя движения собственной плоти.

– Нет. Ты меня испугал, когда ушел. Я не хочу быть одна. Я не... могу.

– У тебя голос сиплый. Болит? Только честно.

– Саднит немного, – откашлялась Аля.

– А я ведь предупреждал.

– Ну и что? – шепнула. – Я ни о чем не жалею. – Она отползла чуть дальше и легла прямо на пол, уложив голову ему на колени. – Мне даже понравилось.

Она действительно чувствовала себя на удивление хорошо. Кто-то бы мог сказать, что таким образом Аля себя наказывала. И даже, может, в какой-то степени был бы прав. Да только если это и было наказание, ей оно пришлось по душе. Было что-то невероятное в осознании того, что в этот момент он потерял от нее голову... настолько.

– Расскажи мне о них, – шепнула.

В ответ Демьян очень долго молчал. Аля уже начала жалеть, что вообще завела эту тему. Очевидно, это только ей казалось, что случившийся срыв сблизил их в достаточной степени...

– Второй из нас был самый старший. По идее ему уже нельзя было принимать участие в боевых операциях, но Михай был в чертовски хорошей форме. А замена все не находилась. Твои коллеги у нас в большой цене.

– Мои коллеги? – Аля чуть приподнялась, чтобы увидеть его лицо.

– Врачи. В группе обязательно есть врач, взрывотехник, снайпер, ну и так далее...

– А ты кто?

Переставляя указательный и средний пальцы, Аля лениво «шла» по его бедру.

– А я и швец, и жнец, и на дуде игрец.

– А Третий? – откашлялась. – Кто Третий? Четвертый...

– Он – классный хакер.

– Вы дружите?

– Он мне как брат.

– А Второй? Тоже как брат...

– Скорей как отец. Они с его женой приютили меня сразу после учебки. Тогда я так мало зарабатывал, что даже квартиру не мог снять. Все, что было, уходило на покупку оружия. Нормально нас стали обеспечивать уже потом.

Демьян говорил и говорил... И если поначалу он то и дело запинался, то потом даже стал улыбаться на каких-то особенно светлых, радостных моментах. Он даже будто и не с ней беседовал. Глядел прямо перед собой и рассказывал одну байку за другой.

А Аля слушала, не перебивая. Удивляясь себе. Тому, что поняла не иначе как чудом, что ему это нужно.

– Серый, конечно, сглупил, когда с конторской связался. Таких, как его жена, ведь днем с огнем не сыщешь. А теперь непонятно, как будет... Может, и Лиза одна останется... И та... другая. Ребенка записать, и то будет не на кого. А Яр одиночка.

Непривычным, каким-то растерянным, что ли, жестом Демьян провел по волосам. И Аля вскочила, осознав вдруг кое-что по-настоящему страшное.

– А у тебя? – просипела она.

– Что у меня?

– Есть... жена?

Глава 9

– А если есть? Что теперь?

Он нарочно это сказал. В надежде, что его слова остудят ее пыл. Что в ней проснется гордость. И она перестанет делать то, что делала с упрямством ослицы. В ущерб себе. Прекратит его провоцировать. И выводить на эмоции, потому что, видит бог, прямо сейчас это последнее, что им нужно.

– Не знаю, – поежилась Аля, глядя на него во все глаза.

– Как не знаешь? А если я к тебе сейчас пристану? Пошлешь меня? – Демьян впился в нее демоническим взглядом. Не сдержавшись, огладил щеку, скользнул вниз по горлу и легонько сжал пальцы. Однозначно то, что она для него сделала, стало для него некоего рода фетишем. Ведь даже несмотря на все то дерьмо, что случилось в его гребанной жизни, он возвращался к этому в своих мыслях снова и снова. И не давал забыть ей. Сам себе тем самым противореча.

– Нет.

Демьян чертыхнулся. Он всерьез полагал, что финт с вымышленной женой может сработать. Но девчонка, очевидно, решила усложнить им задачу по максимуму. Демьян пошелвелился, непрозрачно так намекая, что лучше бы ей с него встать. Аля послушно поднялась.

– Ты злишься на меня? – спросила тихо. Напрочь его обезоруживая.

– Нет. На тебя... нет.

– А на кого тогда?

– На себя. Я злюсь на себя. На то, что допустил это. Превратив просто сложную ситуацию в по-настоящему дерьмовую.

Это и впрямь было неправильно. От начала, бля*ь, и до конца. Но если раньше еще как-то получалось себя обманывать, врать, что это ничего для него не значит, и что он может в любой момент остановиться, соскочить с нее, то теперь... Когда она поделила с ним боль, не посмотрев на цену, врать себе стало попросту невозможно. До майора только в том гребаном коридоре дошло, что тормоза-то его отказали. Когда он ее девственный рот трахал... Наверняка причиняя боль. Обращаясь с ней по большому счету как с опытной шлюхой, и понимая, что так нельзя... но не в силах уже остановиться.

– Значит, у тебя правда кто-то есть... И дети? – Аля стиснула кулаки. И почему-то, зная ее историю, историю маленькой брошенной всеми девочки, тут он не смог соврать. Даже для пользы дела.

– Да нет у меня никого. Ни жены, ни детей. Я вообще не об этом, – сказал устало. Сделал вид, что не услышал протяжный вздох облегчения. Потянулся к штанам.

– А о чем?

– О том, что эмоции – это лишнее. В моей работе им не место, – отрезал он. А эта дурочка заулыбалась. От уха до

уха просто. Будто он ей прямо сейчас вручил ключи от рая. Забыв на короткий миг обо всем плохом. Вообще обо всем позабыв. Как и он, когда ее трахал.

– Похоже, кто-то говорит о чувствах? – с некоторым вызовом уточнила эта глупышка.

– Нет. Я говорю лишь о том, что ты отвлекаешь меня от дела. И это очень плохо. Потому как цена ошибки может быть слишком высока. Нужно завязывать с тем, что между нами происходит, Аля.

И это был самый лучший план. Теперь, когда первые эмоции от потери друзей схлынули, так точно. Да, он сплоховал. Позволил себе больше, чем должен был. Но теперь ему следовало возвращать ситуацию под контроль. Думать в первую очередь головой, а не головкой. Быть начеку. Круглосуточно. Нон-стоп. Не отвлекаясь на... гребаные чувства, как она выразилась.

Ощувив, как это, когда отказывают тормоза, он больше не хотел повторения. И вовсе не потому, что ему не понравилось. Нет. Приход от наркоты ведь тоже поначалу в кайф. А потом ты на нее подсаживаешься, и все становится отнюдь не так весело. Он не хотел... подсесть. На ту, с которой нет шансов быть вместе. Потом, когда все уляжется.

– Почему? Разве прямо сейчас нам что-нибудь угрожает? Кстати, ты впервые назвал меня по имени.

Ну, вот какого черта? Какого черта вместо того, чтобы просто с ним согласиться, она опять все усложняет?

– Я надеюсь, что нет. Но никто не знает, так ли это на самом деле.

Демьян натянул штаны. Вжикнул молнией на ширинке. Подводя черту под их разговором. Но Аля не собиралась сдаваться. И когда он вышел из коридора, побежала за ним.

– Мне кажется, вместе нам как раз намного спокойней, чем порознь. Я уверена, что сейчас ты себя чувствуешь намного лучше, чем когда был один в ванной.

Демьян стиснул зубы. О том, что с ним происходило там, он даже вспоминать не хотел. Он рушился. Натуральным образом. Казалось, он даже слышал скрежет и жуткий грохот, которые сопровождали этот процесс.

В общем, в словах девчонки была доля правды. И оттого обманчиво казалось, что они разумны. Искушение с ней согласиться было практически непреодолимым. И таким заманчивым, что член в штанах снова дернулся.

– Ты сам сказал, что у нас есть несколько дней.

– И что?

– А то, что эти дни могут быть последними в нашей жизни. Ты же не станешь этого отрицать?

– Я сделаю все, чтобы этого не случилось.

– Но ведь не все в этом мире зависит от твоего профессионализма. А вот то, как мы проведем эти дни, какими они останутся в нашей памяти... зависит полностью от тебя.

Он тогда не нашел, что ей ответить. И трусливо сбежал, бросив напоследок, что ему нужно поработать. А после и

впрямь засел за карты, еще раз просматривая маршрут. Проверил оружие. Смазал. Ближе к ночи вышел в город. Забрал через посыльного ключи от Ренджровера. Убедился, что тачку под завязку забили всем необходимым по списку. В бардачке, как и условливались, лежало водительское удостоверение. Демьян придирчиво осмотрел документ. Качество было на уровне. Он сунул права в карман и вышел из машины, чтобы проверить исправность автомобиля. Пришлось повозиться, так что в квартиру он вернулся за полночь. Осторожно открыл дверь и буквально уткнулся в дуло пистолета. Действуя на инстинктах, взмахом руки выбил оружие из рук противника.

– Ай!

– Твою мать! Какого черта ты вытворяешь?! – рявкнул, заламывая девчонку.

– Извини. Просто тебя так долго не было. А там опять этот человек на террасе...

– Какой человек? – насторожился Демьян. Нашупал выключатель и включил свет. Аля повисла на нем. Вжалась лицом в шею. Это у нее уже вошло в привычку. Как и у него. Накрывать ее светловолосую головку рукой.

– Глупости... Не бери в голову, у меня начинается паранойя, когда тебя нет.

Черт! Похоже, он недооценил, насколько девчонка надломлена. Вон, как в него вцепилась. И дрожит вся. Плачет, что ли? Непонятно. Но то, что целует его – точно. Скользит

по шее горячими шершавыми губами. И ерзает...

– Аля...

– Только не отталкивай меня. Пожалуйста. И не уходи. Я не могу без тебя. Не могу... Думала, что сильная. Что смелая, что со всем справлюсь. Я даже надеялась, что смогу тебе помочь как-то...

– Ты помогла, – вздохнул Демьян, уже почти сдаваясь.

– Правда?

– Угу.

Демьян зажмурился. Замер в шаге от капитуляции. Взвешивая за и против... Легонько повел губами по ее волосам, почему-то совершенно не имея сил отказаться от этого.

– Укладывайся спать и ничего не бойся. Я все проверю. И твоего араба тоже, – улыбнулся криво и легонько подтолкнул Алю к спальне. Та запнулась, немного сбитая с толку стремительной сменой темы. Вытерла нос.

– У меня только один араб. Вернее... кое-кто, очень похожий на араба. И это совершенно точно не тот страшный мужик с террасы.

– Вот видишь. Тебе уже лучше. Ты снова можешь шутить.

– Мне с тобой всегда лучше, Демьян. Как и под тобой.

Майор сощурился. Крылья породистого носа дрогнули. И желваки на щеках обозначились четче. Девчонка была неопытной, да. Но она очень быстро училась. У него.

– Покажи террасу, – тихо скомандовал он, – я все проверю.

– Скорее всего, он и правда обычный человек, – стушевалась Аля.

– Но лучше подстраховаться. Потому что потом...

– Что?

– Я буду занят кое-чем поинтереснее.

Аля широко распахнула глаза. Затрепетала.

– Вот... – едва слышно шепнула она, указывая на нужную квартиру, – там еще оранжевый диванчик. Видишь?

– Угу. Я скоро вернусь.

На самом деле эта проверка была не так уж важна. У него имелся пофамильный список собственников жилья. И даже арендаторов. Но Демьяну нужно было еще раз все хорошенько обдумать. Действуя на эмоциях, он уже порядком наломал дров. Учитывая то, кем он был, ситуация выходила более чем зашкварной. С другой стороны, ничего уже было не изменить.

Факт – он должен выжить, чтобы отомстить за своих парней. И если его жизнь скрасит симпатичная ласковая, как котенок, девочка... Есть ли смысл отказываться от такого подарка?

Желание отомстить давало силы жить. А девчонка... девчонка могла сделать эту жизнь сносной. И сделает.

Как он и думал, в квартире, на которую указала Алина, жила большая арабская семья. Муж, жена, четверо маленьких детей-погодок. Ничего удивительного, что отец семейства сбегал на террасу, чтобы уединиться.

Кстати, о детях... Аля об этом не думала, но ведь был риск, что она забеременеет. И что тогда?

Демьян вернулся в квартиру. Не заходя в спальню, сходил в душ. Обещая себе не будить Алю, если она уснет. Подсознательно давая себе время одуматься. Да где там. Она нетерпеливо меряла спальню шагами.

– Обещай слушаться меня беспрекословно. Это здесь мы – любовники. Но как только мы захлопнем дверь спальни, я – твой командир. Никаких игр. Никакого флирта. Ничего из того, что может меня отвлечь. Никакой гребаной импровизации. Любое мое слово – приказ. Который не подлежит обсуждению. Даже если ты с ним не согласна. Это понятно?

– Да.

– Отлично. Тогда начнем прямо сейчас. Сними халат.

– Ты хочешь меня вышколить? – прошептала Аля, взволнованно облизав губы. Демьян поморщился и терпеливо ей объяснил:

– Я хочу убедиться, что ты способна выполнять приказы без лишних разговоров. Кстати, проверку ты завалила.

– Нет! Нет... Я... Вот! – трясущимися руками Аля развязала поясок, скинула халат с плеч и тут же стыдливо скукожилась.

– Погладь себя. – Демьян опустился на кровать задницей. Расстегнул кобуру, снял ее через голову, наблюдая за девчонкой из-под тяжело опущенных век. Аля замерла, не

решаясь пуститься дальше. Потом вздохнула и легко прошлась ладонями по собственным предплечьям. Потрогала шею. Коснулась даже груди, после чего ее руки безвольно упали вдоль тела.

– В ванной ты была смелей.

Конечно, тогда она не знала, что у нее есть зрители. Но Демьяну важно было понимать, что Аля готова подчиниться любой его команде. Любой абсолютно. Кажется, она сказала – вышколить? Что ж... Может быть.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? Уточни. Потому что просто «погладь» – команда довольно абстрактная. Разве вас не учили, как важно четко доносить смысл приказа, майор?

Демьян усмехнулся. Зря она думала, что трусиха. Иногда смелости ей было не занимать. Вон, как сейчас по нему прошлась. И если уж на то пошло, справедливо. Хотела его уделать. Ладно. За ним тоже не заржавеет. Это может быть даже интереснее, чем он предполагал.

– Погладь себя между ног.

Аля всхлипнула. Ее зрачки расширились, но она послушно выполнила команду. Закусила губу и заскользила по клитору двумя сложенными вместе пальцами. Для невинной девочки, которой она была еще совсем недавно, это был огромный прогресс.

– Что-нибудь еще? – задрала нос.

Демьян, зачарованно наблюдающий за движением ее руки, покачал головой. Он хотел преподать ей урок. Но не сло-

мать.

– Нет, малышка. Иди ко мне... Дальше я сам.

Он должен был её приучить, что за четким выполнением инструкций обязательно последует поощрение. Да. Он оттачивал ее рефлексы. Дрессировал. Но иначе они не доберутся до границы. Было крайне важно научить ее в сжатые сроки мыслить как боец.

Аля не подошла. Она подлетела к нему, как на крыльях.

– Ложись.

Послушно легла. И чуть развела ноги, между которыми влажно поблескивало. Демьян навис сверху и нежно, тягуче ее поцеловал. Ласково, едва касаясь, глядя загрубевшими пальцами тело. Царапая вершинки сосков, задевая твердую горошину клитора. И снова, и снова, пока она не запросила пощады. Уже и сам не понимая, зачем же он оттягивает главное... И только когда она снова, как безумная, стала повторять:

– Я люблю тебя, я люблю тебя... – понял, что этого он и ждал.

Ее «люблю». Господи, помоги.

Глава 10

– Знаешь, что я сделаю сразу же, когда мы вернемся?

– Нет. Что?

– Схожу на педикюр.

Алина задрала ноги к потолку и поболтала ими в воздухе, с досадой разглядывая собственные конечности. Демьян сыто усмехнулся. Последние двадцать четыре часа они не вылезали из постели. Занимались сексом снова и снова и болтали о всяких глупостях. Без слов договорившись обходить неприятные темы. Не позволяя воспоминаниям о плохом разрушить гармонию происходящего. Это скрасило ожидание. Сбило градус накала почти до приемлемого. И хоть боль в его разодранной на части душе никуда не делась, происходящее помогло ее скрасить. Отвлечь от планов мести, которые он прокручивал в голове.

Демьян был расслаблен и полностью удовлетворен.

– А ты?

– Я?

– Угу. Чем ты займешься?

– Даже не знаю. Мне предстоит много бумажной работы в конторе. А потом, скорее всего, я проведу несколько дней за уборкой.

– Ты серьезно? – Аля смешно наморщила нос.

– Ага. Что тебя удивляет? Меня дома несколько недель не

было. Там пылищи, наверное, вагон. Эй, ты чего смеешься?

– Извини, но мне сложно представить тебя с перьевой метелкой для пыли, – прыснула в кулак Аля.

– Сложно ей... – передразнил ее Демьян.

– С автоматом – да. С пистолетом. С нунчаками на худой конец. Но с метелкой?

– Нунчаками? Ты, должно быть, смеешься.

– А что? Нет? Я думала, вас учат обращаться с любыми видами оружия.

– Я что, похож на ниндзя?

– Нет! Совсем не похож. Ты огромный, как скала. Китайцы такими не бывают. Или ниндзя – японцы? Все время путаю.

– Японцы-японцы. Как-то были у нас совместные учения с японским спецназом.

– Вот! На учениях я тебя тоже могу представить. – Аля перевернулась на живот и щелкнула Демьяна по носу. – А с метелкой для пыли – нет.

– Нет, значит? – он стремительно выкрутился, схватил её своими загребущими ручищами и повалил на спину. – Ну, тогда уборкой займешься ты.

Глаза Али потрясенно расширились. Она сглотнула и улыбнулась слабо. До этого момента они не говорили о будущем. Совместном будущем. А теперь... Он сам по доброй воле затронул эту неоднозначную тему – дернул же черт! Впрочем, это вовсе не означало, что он станет в нее углуб-

ляться.

– Ты серьезно? – шепнула Аля.

– Конечно. Кто откажется помощника вроде тебя? – сделав вид, что не понял, о чем она спрашивает, Демьян игриво щипнул Алю за вершинку груди и, скатившись на бок, сверился с часами на запястье.

– Никто! В том-то и дело. Если что, спрос на мои... эм... услуги довольно высокий.

Демьян вскинул бровь и смерил Алину внимательным взглядом. Её мотивы он вмиг просек. Девчонка хотела заставить его ревновать. Это ясно. Другое дело, что ей это каким-то образом и впрямь удалось. Чудеса. Не иначе.

– Да? А поподробнее? У тебя там... – неопределенно кивнул головой. – Есть парень? Ты мне это сказать пытаешься?

Аля помедлила. И как-то виновато, что ли, покачала головой из стороны в сторону.

– Нет. Извини, понятия не имею, зачем вообще это ляпнула. Ты же знаешь, что у меня ни с кем ничего серьезного не было... – Алина вспыхнула, перевернулась на бок и свесила ноги с кровати.

– Знаю, – довольно хохотнул Демьян. Обвил рукой её тоненькую талию и потянул обратно.

– Но не потому, что не было желающих! За мной ухаживали, – взвилась отчего-то Алина. – Мой бывший, между прочим, довольно солидный человек.

Демьян сощурился. Нет, он, конечно, понимал, что до

него у Али была какая-то своя жизнь, но... Зачем ему эти подробности? Какого черта она добивается?

– Правда? – Не зная, плакать ему или смеяться над собственной идиотской ревностью, Демьян поднял руки над головой и потянулся так, что затрещали кости. – И кто же он?

– Денис Кириллов.

Демьян резко обернулся.

– Кто?

– Денис Кириллов. Из администрации отца.

– Я знаю, кто такой Кириллов. И что? Вы давно... хм... расстались?

– Да мы и не встречались толком. Извини, глупый разговор вышел. Не нужно мне было об этом вспоминать. – Аля шагнула к Демьяну. Скользнула ладошками по его бокам. Обняла крепко.

– Зачем же вспомнила?

– Решила цену себе набить, – покаялась Аля. – Идиотка. Не обращай внимания.

Как будто это было возможно после того, что она уже вывалила...

Аля еще что-то говорила. Объясняла сбивчиво. А он затылком чувствовал, что вот... вот она, ниточка. Потяни – и клубок распутается. И поэтому пытал ее с особой изощренностью. Вспомнив все, чему его когда-то учили.

– Он, конечно, знал, чья ты дочь... – пробормотал он. – И о том, что ты в С*?

– Наверное, – Аля недоуменно повела плечами. – А какая разница?

Большая! Почему-то, когда случаются подобные заварушки, во всем винят долбаную геополитику. Но иногда глобальные интересы удачно совпадают с личными, и... тогда случается вот такое дерьмо.

– Никакой.

Будь Алина чуть более искушенной, непременно догадалась бы, какое направление приняли его мысли. Но она не была. И не поняла ничего. А он всю ночь потом ломал голову. Просчитывал схемы. Мог ли быть Кириллов слабым звеном в их цепи? Должность у него была отнюдь не военной. Да и с разведкой никак не связанной. Но если президент спокойно доверил этому козлу свою дочь, то он вполне мог доверить ему и другие свои секреты. А ко всему... Насколько Демьяну не изменяла память, именно Кириллов отвечал за переговоры, предшествующие подписанию контракта на поставки оружия. Он был в курсе всех нюансов и, будучи сведущим человеком, прекрасно понимал, кому в регионе эти ракеты встанут поперек горла. То есть он имел представление, с кем можно сторговаться и на каких условиях, чтобы сорвать поставки. Он им – не совсем легальный рычаг давления в виде высокопоставленной заложницы. Они ему... может быть, деньги. А в качестве бонуса, возможно, что-то еще... Или кого-то. Демьян скосил взгляд на прикорнувшую Алю.

Нет, какой бы красивой ни была девчонка, Демьян не верил, что заварушка случилась из-за нее. Скорее, Кириллову пообещали солидные деньги. А Аля... Если бы они все легли в том отеле, из которого он ее все-таки освободил, президенту, скорее всего, пришлось бы пойти на прямые переговоры. Например, послать в С* свое доверенное лицо, которому будет поручено все уладить. На эту роль Кириллов подходил идеально. Переговоры бы прошли как надо, можно не сомневаться. Если у того здесь все было схвачено. Девчонку бы наверняка передали ему с рук на руки. И тогда... Приспешенная благодарностью и напуганная до чертей, Аля, скорее всего, сама бы бросилась в его объятия. Дениске и делать бы ничего не пришлось.

Демьян растер переносицу. Как бы складно все ни вписывалось в эту схему, не стоило забывать, что это всего лишь его догадки. Никаких доказательств у него не было. Но он мог бы их получить, если бы... Ну, нет. Это было слишком рискованно. Или...

Демьян замер, убеждая себя не торопиться. Вновь и вновь просчитывая риски. Потом осторожно снял с себя ногу девчонки и встал. Набрал выученный на память номер.

– Нужно увидеться. Через час. На углу Восьмой и Старого города.

Чтобы Аля не испугалась, когда проснется, Демьян нацарапал ей короткую записку, быстро оделся и выскользнул из квартиры. Богданов не боялся ходить по улицам. Благодаря

своей внешности он без всяких дополнительных ухищрений терялся толпе. Достаточно было облачиться в традиционные одежды.

Высокую фигуру Алексея Демьян заметил сразу. В отличие от него, Леша был светловолосым голубоглазым блондином. Поэтому его маскировка была совсем другой – унылого вида слаксы, футболка с идиотским принтом, бейсболка и допотопная мыльница на шее. Чем не турист?

Богданов был так рад его видеть... И только одно тревожило Демьяна. То, что он задумал проверить.

– А если это не Кириллов? Ты зря подставишь и себя, и девчонку.

– Если мы сейчас не выясним имя заказчика, то никогда потом его не узнаем.

– Это не наша задача, – пробормотал Восьмой, забирая у уличного торговца рожок с мороженым из верблюжьего молока.

– Один боец из моей команды погиб. Двое других до сих пор не вышли на связь. Я хочу знать, какого черта так вышло.

– Ты хочешь отомстить. Ставя под угрозу жизнь спасенной заложницы. Это непрофессионально.

– Ты можешь отказаться выполнять заведомо преступный приказ, – процедил Демьян сквозь стиснутые зубы. В ответ Леша нахмурился. Его светлые брови почти полностью выгорели. Как и ресницы. И смотрелось это довольно странно.

– Черта с два. Лучше я прикрою твою задницу. Вместе у

нас больше шансов уцелеть.

– Ты уверен, что Седьмой перенесет дорогу?

– Будет тяжело. Но он справится.

Обсудив детали операции, Демьян вернулся в квартиру. Записка не понадобилась, Аля крепко спала, измученная сексуальным марафоном, который он ей устроил. Майор знал, что в последние разы ей было больно. Но все равно проникал в нее снова и снова. Кажется, в квартире не осталось места, где бы он ее не поимел. Кушетка, диван, стул и даже письменный стол. На котором он ее разложил лицом вниз и... Демьян моргнул, отгоняя искушающие картинку. У них впереди была тяжелая дорога. Совершенно определенно Але не мешало бы выспаться. Как и ему. Он быстро разделся, сходил в душ, не зная, когда потом ему доведется помыться, и скользнул к ней под тонкое одеяло.

Уснуть-то он уснул. Но проснулся раньше, чем планировал. До рассвета, когда они должны были выехать, оставался еще, по крайней мере, час. И вроде бы Демьян понимал, что поступает правильно. Не по уставу, конечно, по совести. Но в то же время... Он ведь действительно рисковал. Той, которая безгранично ему доверяла.

– Почему ты не спишь? – на пояс легли мягкие руки. А губы коснулись чувствительного местечка чуть повыше лопатки. – Уже пора ехать?

– Нет. У нас еще есть немного времени, – сказал Демьян и шагнул вперед, заставив Алю отступить к кровати. Он был

чертовски самоуверенным сукиным сыном, он был везунчиком, но... он не был идиотом. И прекрасно понимал, в какое опасное мероприятие ввязывается. Поэтому в то утро он любил ее как в последний раз. Вознося на вершину удовольствия снова и снова. И это было так прекрасно, что он забыл... Или не захотел выйти. Надеясь оставить после себя след. Если от него самого ничего не останется.

Он думал, Аля будет орать. А она... нет, она не кричала. Только уставилась на него так... растерянно. И спросила:

– Все хорошо?

Мелькнула мысль рассказать ей о своем плане и тут же растворилась.

– Приводи себя в порядок. Мы выезжаем.

Было бы неплохо добраться до границы в темноте. Им предстояли долгие двенадцать часов дороги. Сначала по хорошо асфальтированной трассе. Потом по накатанной в песках колее. Мимо стоянок бедуинов и дальше, на север.

В дороге Аля держалась неплохо. Только ерзала иногда и морщилась. И к стеклу прижималась носом, когда они проезжали мимо стад овец.

– Мы можем остановиться?

– Что случилось?

– Мне нужно в туалет.

По прикидкам Демьяна до места, где они с Восьмым планировали засаду, оставалось всего пару километров. Небольшие выступающие из земли валуны скальной породы могли

стать неплохой защитой от пуль.

– Потерпишь минут десять? В этом месте останавливаться небезопасно.

– Почему?

– Можно нарваться на гиен.

– Серьезно? Тут водятся гиены?

– Да сколько хочешь.

– А здесь безопасно? – спросила Аля, когда они остановились.

– Да. Здесь скалы. Можешь сделать свои дела во-о-он за той.

– Скалы не защитят нас от гиен, – сказала Аля, впиваясь в Демьяна взглядом.

– Я не пойму, ты хочешь в туалет или нет? Если нет – можем сделать привал. Скоро закат. Ты когда-нибудь видела закат в пустыне? Удивительное зрелище. Кажется, что все вокруг замирает, ветер стихает, и огромный ярко-оранжевый шар опускается за горизонт...

– Я думала, мы спешим.

– Небольшую передышку мы можем себе позволить. – Демьян надел на ухо гарнитуру, пристально вглядываясь вдаль.

– Ты мне врешь...

– Что? Аля, сдвинься на метр влево.

– Ты мне врешь! Ты мне врешь! Ты мне врешь! – заорала она и со всей дури толкнула его в широкую грудь. Он отступил, боясь, что Аля поранится. И в этот момент его натре-

нированное ухо услышало легкий свист.

– Ложись! – заорал Демьян, накрывая ее своим телом.

Глава 11

Эх, рано он отпустил Пятого и Шестого! Рано. Сейчас им не помешал бы снайпер. Да в принципе любые лишние руки, способные держать оружие, не помешали бы.

Совсем рядом, заставляя Демьяна пригнуться, просвистела еще одна пуля. И ничего больше... Ни звука. Тишина, которую нарушал лишь надсадный звук ее сбившегося дыхания. Да и в ушах еще продолжали звучать ее истеричные крики «Ты мне врешь! Ты мне врешь! Ты мне врешь!».

Майор не врал. Он недоговаривал правды. Это совсем другое. Вряд ли бы девчонка согласилась стать живой мишенью, расскажи он ей все как есть. У него просто не было выбора. Точнее, не так. Теоретически выбор, конечно, был. Теоретически...

Думай, Демьян! Соображай. Ты заварил эту кашу. С тебя и спрос. Не нужно было останавливаться. Но с другой стороны, если бы они добрались до цели, то наверняка бы уже погибли. Оба. Счастье, что ей в туалет приспичило. И то, что она вовремя сообразила, интуитивно почувствовала опасность, лишний раз подтверждая, что все люди – животные, которые так же остро, как и тысячи лет назад, подчинены примитивному инстинкту выживания – это тоже сыграло роль. Она его спасла дважды. И когда они остановились раньше, чем планировали. И когда толкнула. Меняя траек-

торию движения. Ну, и то, что стрелявший был далеко не самым лучшим в этом деле, тоже сыграло роль. Тот же Иса наверняка бы предусмотрел гораздо больше параметров – начиная от движения ветра, способного сместить траекторию пули, заканчивая изменением движения самой цели.

Не поднимая головы, Демьян уставился в синие, до краев наполненные первобытным ужасом глаза. Нет, конечно, силенок у девчонки было как у котенка. Не отступи он сам – вряд ли она смогла бы сдвинуть его с места. Но силой своей ярости Аля все же заставила Демьяна попятиться. А иначе...

Черт. Ее колотило. Он ее озноб через несколько слоев одежды чувствовал. Жалел ли он, что все так вышло? Нет. Потому что, мать его так, ничего еще не решено. И не было такой задницы, из которой он не смог бы выбраться.

Демьян наклонился ниже. Почти касаясь губами ее уха.

– Ничего не бойся. Рядом мои люди. Они подстрахуют. Нам нужно просто продержаться.

Осторожно нащупал автомат. Высунулся и дал короткую очередь.

Знать бы еще, где его люди... И будто в ответ на его так и не озвученный вопрос, ожила гарнитура.

– Первый, это Восьмой. Ну и позицию ты выбрал. Какой план?

– Ждем, когда окончательно стемнеет. Не высовываемся. Есть понимание, сколько их?

– Насчитал двенадцать человек. Не думаю, что они дадут

вам отсидеться...

В подтверждение слов Восьмого тишина взорвалась канонадой выстрелов. Аля вздрогнула. Демьян, как мог, старался не наваливаться на нее так уж слишком, но учитывая необходимость прижиматься к земле как можно ниже, выходило у него не очень.

Какого черта? Демьян был уверен, что его ребят попытаются устранить. Но он и мысли не допускал, что они будут действовать так топорно, ставя под удар президентскую дочку.

– Сейчас я привстану, ты быстро откатишься под вот этот выступ. Поняла?

Аля приоткрыла дрожащие губы, как будто хотела его о чем-то спросить. Но в последний момент передумала и послушно кивнула. Демьян видел, чего ей стоила такая покладистость. И был почти горд. За то, что она такая. Несмотря на то, что он... ладно, наверное, все же соврал. Подставив ее под удар в угоду сжирающей его жажде мести.

Кивнул. Нащупал ее ладонь. И осторожно плавным, тягучим движением, размытым молоком сумерек, вложил в ладонь девчонки оружие.

– Нужно, чтобы ты меня прикрыла. Сможешь?

Алины бездонные глаза стали, кажется, еще больше. Но она, послушно облизав спекшиеся от волнения губы, кивнула. Только после двух обернувшихся крахом попыток сумев шепнуть:

– Что я должна делать?

– Стреляй в направлении вот той возвышенности. Видишь?

Ему-то всего и надо было выиграть каких-то несколько секунд, чтобы дать своему Гному¹ волю. И все бы наверняка пошло, как надо. В конце концов, это действительно была не самая страшная ситуация, в которой довелось побывать майору. Но в какой-то момент все покатилося псу под хвост. Молочно-розовая тишина взорвалась какофонией звуков. Палили нещадно. Кто куда. Именно эта хаотичность, которую невозможно было просчитать, и вышла впоследствии боком... Демьян почувствовал, как острая боль прошла его бок. Зашипел. Машинально накрыл рану ладонью. Еще не понимая и даже толком не веря ни в то, что его на самом деле «достали», ни в то, что его дела плохи. Он даже умудрился-таки пальнуть в ответ. Успел отметить, что больше не один. Что кто-то из его пацанов таки подоспел. А потом все так же неверяще, будто этого с ним и впрямь не могло произойти, стал заваливаться на бок. Опустил взгляд. На окровавленную ладонь и бурую, уже спекшуюся лужу крови. Успел заметить, что к нему ползет Алька. Бестолково ползет, даже не пригибаясь. Хотя ей, может, и не нужно было уже пригибаться – выстрелы резко стихли.

– Вернись на позицию, дура! – хотел строго рявкнуть он, но вышло лишь какое-то странное, едва слышное булькаю-

¹ Гном – ручной гранатомет РГ-6 «Гном»

щее бормотание.

– Обязательно. Сейчас только осмотрю твою рану...

– Вернись...

И все. Вырубил. Как он ни старался оставаться в сознании, вырубил... Природа взяла свое. Природа всегда брала свое, какой бы ни была воля человека. Это лишь вопрос времени. И силы духа. Силы духа Демьяна хватило на то, чтобы сделать очень важный выстрел. Силы духа Али – на то, чтобы посреди пустыни, наполненной опасностью, устрашающими колышущимися тенями, тревожными шорохами, после только-только стихнувшей пальбы обуздать страх и, собравшись с силами, непонятно откуда взявшимися в ее измочаленном парализующим ужасом теле, и решимостью, попытаться его спасти.

– Сейчас-сейчас, мой хороший. Вот так... – бормотала она, как еще совсем недавно ей на ухо сипел он. Правда, со-о-овсем в других обстоятельствах. Тогда ей тоже было больно. Но что та боль по сравнению с этой, что ему приходилось испытывать сейчас? Аля быстро вытерла нос. Не отрывая руки, зажимающей рану, свободной нащупала рюкзак. Наверняка у него имелась аптечка, в которой было все необходимое. Хотя... Господи, ну, что она могла сделать? Даже имея под рукой инструмент и минимальный набор лекарств! Какой из нее врач? Она ведь даже универ не окончила. А тут практически полная темнота и... что? Что задето? Печень? Если так – он долго не протянет, как бы она ни старалась.

Значит, нужно как-то донести его до машины. А там – граница. И наверняка поблизости свои. Ей бы только к своим прорваться...

Аля выудила аптечку. Открыла. И в отчаянии шмыгнула носом. Ей нужно было подсветить! Но чем? Где-то точно должен был быть фонарик.

– Эй!

Алина испуганно шарахнулась в сторону.

– Да тише ты. Свои... – шепнул высокий мужчина в камуфляже.

– Не подходи к нему!

– Прекрати истерику. Я – Четвертый в группе. Старший лейтенант Линдт.

– Ч-четвертый н-не выходил на связь, – возразила Аля. И хоть ей больше всего хотелось сейчас передать контроль над ситуацией кому-то более опытному и мужественному, но... она не могла. Она больше никому не верила.

– Она права, Четвертый, – раздался еще один голос. – Брось оружие. И заведи руки за спину.

– Какого черта? – изумился Яр. – Это вместо «как я рад тебя видеть, брат»?

– Делай, что тебе говорит Седьмой, Яр, – в разговор вмешался еще один человек. Да сколько же их?! Аля на секунду отвлеклась от системы, которую пыталась установить удивительно твердыми, несмотря на ее состояние, руками. – У нас нет времени на спор. Нужно доставить Первого в госпиталь.

Может быть, Четвертый хотел возразить. Но глянув на распластавшегося на обожжённой глине Первого, лишь сильнее стиснул зубы и, ругаясь на чем свет стоит, принялся разоружаться.

– Я не крот! – вот и все, что он произнес. Рвано. Сипло. Будто необходимость оправдываться когтями драла его глотку.

Аля это слышала, как сквозь вату. Все вокруг вообще будто происходило не с ней. Она лишь заторможенно отмечала, как тот, кто представился ей Восьмым, осторожно подхватил тяжелое тело Демьяна и понес к машине, взглядом скомандовав ей идти рядом. А ведь она бы и без всяких команд пошла, удерживая на вытянутой руке пакет с физраствором.

В середине пути Аля зачем-то оглянулась. Четвертый шел прямо за ней, под прицелом Седьмого, которого немного покачивало, ведь он еще толком не оправился от ранения. Гоня от себя сковывающий тело страх, Алина судорожно соображала, почему Восьмой и Седьмой решили, что предатель – Четвертый. Что, если это не так? Что, если крот вовсе не он? Что, если все наоборот? Может, зря она их подпустила к Демьяну? С другой стороны, сама бы она не справилась. Не смогла бы, не сумела, как бы ни старалась его защитить. Так был ли у нее выбор?

И тут прямо у нее на глазах Седьмой оступился. Зашипел от боли. Скукожился буквально на какую-то долю секунды. В тот момент кто угодно бы понял, что имей Четвертый такое

желание, он бы запросто смог обезоружить своего конвоира. Понял это, очевидно, и сам... Иса? Кажется, так Седьмого называл Демьян.

– Черт тебя подери! – усмехнулся Седьмой. – Значит, это все же не ты. Так какого хрена, скажи на милость, ты, Ярик, не выходил на связь?

– Нужно было кое-что проверить, – буркнул тот.

– Проверил?

– Ага... Да ты его укладывай. Мы и после все обсудим. Эй, ты... Аля, кажется?

– Угу, – шмыгнула Алина носом.

– Сможешь вот так и дальше его держать?

– Смогу! – всхлипнула она. И затрясло её, затрясло! Так, что зубы клацнули.

– Ну-ну, все уже позади. Почти... Давай, дуй в машину. Мы его тебе на колени положим.

Аля растерянно уставилась на свою залитую кровью Демьяна руку. А подняв взгляд, натолкнулась на темный-темный, как ночь в пустыне, взгляд Исы. Телом побежал холодок.

– Да ты не бойся, девочка. Я не дам и капли его крови пролиться. Давай. Не задерживай нас, – мягко, особенно на контрасте с холодным колючим взглядом, который буквально подчинял ее своей воле, заметил Седьмой.

Как в трансе, Аля осторожно отвела ладошку от раны Демьяна. Иса тут же накрыл ее своей рукой. Но Алина все же

успела заметить даже сквозь темноту, что кровь майора уже не бьет фонтанчиком. Может, потому что у него уже не осталось крови... А дальше она почти ничего не видела – так спешила сделать все, что ей было велено, и опять получить возможность его коснуться. Зажать рану своей рукой, чувствуя его ускользающую сквозь пальцы жизнь.

– Сколько до границы?

– Пара километров. Даст бог, там нас уже будет ждать вертушка. Прием... Ответьте. Группа ноль один Тени. Прием. Ситуация десять тридцать восемь. Критическая. Наши координаты...

А дальше разговор свелся к обмену какими-то странными кодами, которые Аля не понимала, а после и вовсе стих. Она хотела уточнить, как скоро их эвакуируют. Хотя бы его... Но язык не поворачивался – боялась. И только целовала его, как ей казалось, тайком. Влажные, слипшиеся от испарины волосы. Пахнущие пустынной пылью и им одним. И не было уже ничего... Ни злости на него, ни страха за себя не было. Лишь за него. И в голове билось – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

– Так какого черта ты все же залег?

– Я же сказал! Хотел кое-что проверить!

– Уж не друга ли своего на вшивость? Первый тебе голову открутит за то, что ты его сразу не сдал. Так и знай. Пойдешь под трибунал, придурок.

– У меня не было доказательств против Серого. Только

догадки. Уж слишком долго он возился с камерами. И потом...

– А теперь есть?

– Есть! – заорал Четвертый. И уже чуть тише добавил: – Теперь есть. Су-у-ка.

– И что? Что думаешь делать?

– Я уже сделал. То, что должен был.

Мужчины переглянулись. Синие глаза Ярослава сначала уставились в черные – Исы, а после – в голубые, почти бесцветные – Алексея.

Да. Убедившись, что его лучший друг – предатель, Четвертый сделал то, что и должен был – пустил ему пулю в лоб. И почему-то он был уверен, что тот ему благодарен за это.

Глава 12

Алина очнулась внезапно, как будто вынырнула из трясины зыбучих песков. Во рту было чудовищно сухо, и на секунду она решила, что снова оказалась в пустыне. Даже холодный лишенный жизни кондиционированный воздух будто жаром пахнул. И пыль закрипела на зубах, которые она плотно сжала. Из морока, что ее накрыл душным покрывалом, выбивался лишь один звук – странное механическое жужжание, которого ни за что нельзя было бы услышать в пустыне. Если только в разбитом прямо посреди песков госпитале.

Госпитале...

Вспомнив до конца все, что с ней недавно случилось, Аля резко села и открыла глаза. В голове тут же закружилось – так стремительно было это движение. Ей пришлось снова зажмуриться, пережидая, когда вращающийся волчком мир остановится и обретет привычные взгляду очертания. Но когда это случилось, Аля поняла, что никогда не видела ни этой комнаты, ни этих стен, ни столика, на котором в красивом расписном кувшине стояли кроваво-красные герберы. Вот не зря Алине казалось, что ее действительность будто поместили внутрь причудливого калейдоскопа, в котором картинки чередовались, как придется, без всякой видимой логики сменяя друг друга. Их богатый дом, госпиталь Красно-

го креста в С*, лица ее похитителей, которые те не удосужились даже прикрыть, а секундой спустя – совсем другое лицо, врезавшееся, кажется, навсегда в ее память. И огромный арабский город, и поющие фонтаны, и снова богатый дом, в котором они с Демьяном пережидали опасность.

– Демьян...

– Аля? Ну, наконец ты пришла в себя.

– Мама? А где... где майор? Где его люди? – заволновалась Аля, диковато осматриваясь по сторонам.

– Тише-тише, – мама преодолела комнату и возникла у нее прямо перед глазами, заслоня обзор своим телом. Потрепала ее по волосам. – Все хорошо, моя девочка. Теперь все будет хорошо.

– Где майор?

– Ну, какой майор, милая?

– Тот, которого отец послал, чтобы меня спасти!

Але хотелось кричать. Необходимость объяснять настолько очевидные вещи отнимала последние силы. И почему-то злила ее без меры. Алине казалось, что мать и сама все знает. Не может не знать. А сейчас зачем-то притворяется, нарочно лишая Алю шаткого равновесия.

А может, происходящее не прошло даром для ее психики, и у нее наметилась паранойя?

– Да откуда же мне знать? Наверняка он там, где обычно бывают люди после успешного выполнения поставленной задачи. Господи, Алька, как я волновалась... – мама протя-

нула дрожащие руки, обняла Алину и с несвойственным ей волнением прошептала в её взмокшие от холодной испарины волосы: – Тебе не нужно об этом беспокоиться. Лучше вообще об этом не думай. Не вспоминай. О себе думай, слышишь?

Аля отшатнулась, и руки матери застыли в воздухе двумя сломанными крыльями.

– Я хочу знать, выжил ли майор Богданов. Он прикрывал меня своим телом и был тяжело ранен.

Под ничего не понимающим растерянным взглядом матери Аля свесила ноги с кровати, встала и дико осмотрелась по сторонам. Ее тошнило. То ли от голода, то ли от страха никогда больше не увидеть Демьяна.

– Он здесь? В госпитале?

– Послушай, милая, это – частная клиника. Думаю, если этот человек... майор – действительно пострадал, ему оказывают помощь в каком-то профильном учреждении. Для военных...

Частная клиника? В Э*? Ничего не понимая, Аля прижала пальцы к вискам и сделала несколько глубоких вдохов.

– Вернись в кровать, солнышко. Ты еще слишком слаба. Я позову доктора.

Какого доктора? Почему с ней обращаются как с душевнобольной?!

– Ты не понимаешь! – опять закричала Аля. – Я должна знать, как он... Я люблю его! Я люблю его...

– Давай мы об этом поговорим потом. Когда тебе станет получше.

Понимая, что ничего своими просьбами не добьется, Аля шагнула к двери. В тот же миг та открылась, и на пороге возник мужчина. Полноватый. Рыжий, с большими широкими ладонями, сплошь усеянными веснушками. Совсем не араб.

– Что тут у нас за скандал? – приветливо улыбнулся он.

– Мне кажется, Алине нужно еще немного успокоительного.

Аля открыла рот и удивленно уставилась на мать. Еще немного? Сколько же она его получила до того, как очнуться? Чем ее пичкали? И как долго это продолжалось? День? Два? Ведь по всему выходило, что её вернули на родину. Но Аля не помнила ни дороги в аэропорт, ни перелета...

– С-сколько?

– Что, милая?

– Сколько прошло времени с момента моего освобождения?

– Уже почти двое суток. Ты только не волнуйся, хорошо, малышка? Первые дни – они всегда самые тяжелые. А дальше будет лучше.

Двое суток! За это время могло случиться все, что угодно. Демьян мог... Аля всхлипнула. И в этот момент ее руку кольнуло. Пока она пыталась как-то осознать реальность, ей сделали укол. Тайком. Словно она была буйнопомешанной. Еще бы смирительную рубашку надели! Рот Али болезненно

искривился. Сам Мунк обзавидовался бы такой натуре.

Всю свою жизнь Аля чувствовала себя марионеткой в руках других людей. Разменной монетой. Мать здорово научилась манипулировать отцом с ее помощью. Да, тот не развелся и не признал Алю дочерью официально, но ее мать, родив, получила просто колоссальные привилегии. И отличный рычаг давления на будущего президента. Помимо своей воли Аля стала крючком, благодаря которому женщине, которая ничего особенного собой не представляла, удалось обосноваться на Олимпе. Ей была подарена огромная квартира в центре, дом на французской Ривьере, а на ее содержание в месяц уходили просто баснословные суммы. Потому что одно дело, когда ты просто любовница. Пусть даже первого лица. И совсем другое, когда ты мать его ребенка. Любовницу в уравнении жизни всегда можно сократить. А мать ребенка – величина совсем другого порядка. Так что да... Аля никогда себе не принадлежала. Она чувствовала себя неким трофеем. Бесценным и оттого лелеемым с особенным трепетом. Всю ее жизнь за нее что-то решали. В какую школу она будет ходить, в какие кружки, кто будет ее няней, с кем и где она проведет каникулы, что она будет есть на обед, какие ставить прививки и так далее. Она чувствовала себя несвободной всегда. Но никогда еще так остро. Никогда до этого.

– Как... ты... можешь? – спросила, едва ворочая языком. И начала оседать.

– Давайте-ка, я вас провожу в койку.

– С ней точно все в порядке?

– Происшедшее похищение обернулось слишком большим стрессом для Алины Николаевны. Но я уверен, она очень быстро придет в норму. У нее молодой, сильный организм.

Если бы могла – Аля бы рассмеялась. Потому что стресс, который она испытала, когда ее похитили – ничто по сравнению с тем, что ей довелось пережить, когда она поняла, что майора ранили. Но Алина не могла больше смеяться. Она не могла даже растянуть губы в легкой полуулыбке. Тело наполнялось неподъемной свинцовой тяжестью. Обрывки мыслей путались и разлетались, как фантики от конфет.

После Алина еще несколько раз пыталась узнать о судьбе Демьяна. И каждый такой разговор заканчивался истерикой и новой порцией успокоительных. Ее то ли не слышали, то ли не хотели слышать. Але казалось, что она медленно, но верно сходит с ума. Но где-то там, на самом дне отчаяния, под толщей искусственного равнодушия, нагнетенного препаратами, что ей кололи, еще теплился огонек сознания... В один из дней Алина поняла, что если она хочет добиться правды, тактику нужно менять.

– Ну, как ты сегодня? Выглядишь получше. Вот бы еще с твоими волосами что-нибудь сделать. Они совсем сваялись. Хочешь, я приглашу парикмахера? Прямо сюда? Хочешь? На днях обещал заехать отец. Не дело встречать его в таком виде.

Аля подняла взгляд на мать. В тот момент она ее почти ненавидела. И пусть та не скрывала своего беспокойства, непритворного беспокойства матери о ребенке, пусть искренне верила в то, что так будет для нее лучше, оно никак не оправдывало происходящего. И никак её не прощало.

Мышцы все так же не подчинялись. Но нечеловеческим усилием воли Аля заставила себя изобразить... еще не улыбку, нет. Что-то очень на то похожее.

– Ладно.

– Серьезно? – Ирина вскинула холеные брови и даже, подпрыгнув, захлопала в ладоши.

– И конспекты мои принеси. Скоро начнется учебный год, а я ничего не помню.

Мать застыла посреди палаты, смерив Алю испытывающим напряженным взглядом. Будто боялась, что она прямо сейчас опять потребует отвести ее к майору. Или станет кричать, что жить без него не может. А она хотела... И потребовать, и закричать. Да только понимала, что это снова отбросит ее от цели. И сцепив зубы, терпела.

Кстати, возможно, лекарства, которыми ее пичкали, ей в этом помогли. По крайней мере, теперь Аля себя контролировала. И боль была не такой чудовищно сильной, как могла быть. С ней можно было жить. И даже строить какие-то планы.

Отец... Если кто и мог помочь ей узнать о судьбе Демьяна, то это был он. Следующие дни Аля едва справлялась с нер-

возностью. Хорошо, к ней начали пускать посетителей. Их было немного – экономка, работающая в их доме почти два десятка лет, мастер маникюра и парикмахерша. Подруги у Али, конечно, тоже были, но... В силу понятных причин она не подпускала их к себе близко. И, уж конечно, ни за что не смогла бы им объяснить, что случилось. Не только потому, что сама этого до конца не понимала, и никто не поспешил ей это сообщить. А скорей потому, что это было в принципе невозможно. Ведь в противном случае, Але пришлось бы рассказать, чья она дочь.

Иногда в своих глупых мечтах Алина представляла, что будет, когда правда вскроется. Наивная! Правда заключалась в том, что этого никогда не случится. Этого ни за что не допустят. Отец. Но с большей вероятностью люди, которые его окружают. И которые влияют на решения, которые он принимает.

Как назло, визит отца откладывался. Что и немудрено. Аля давно привыкла, что она для него не то что не на первых позициях (там-то ясно – страна, смешно, правда?), но даже не на вторых. Алина извелась в ожидании обещанной аудиенции. Ее истонченные нервы натянулись до звона. Каждый шорох, любой даже самый незначительный звук заставлял Алю резко вздрагивать. И от этого струны-нервы будто бы обрывались внутри и обжигали ее плоть, словно ударами плетей.

Ее отпустили домой, а он так и не появился. И вот когда

она застыла буквально в шаге от того, чтобы снова сорваться, отец будто из ниоткуда возник на пороге ее комнаты. Как всегда, энергичный и деятельный. В любое время дня и ночи. Аля вообще не понимала, когда он спит. И как восстанавливается после бесконечных совещаний, переговоров и встреч.

За спиной отца, широко улыбаясь, топталась мама. Вся при параде, несмотря на поздний вечер. Аля на секунду напряглась, желая припомнить, а видела ли она вообще когда-нибудь мать в халате? Или без макияжа и безупречной укладки? И с удивлением поняла, что нет. Ее мать, будто застыв в режиме ожидания, абсолютно всегда была на высоте. Хотя у отца наверняка уже давно была другая, более молодая любовница, та все еще пыталась конкурировать. Зачем? Неужели она его и впрямь любила? Аля никогда об этом не задумывалась. Не смотрела на ситуацию с той точки зрения, которая вообще все меняла.

– Ну, привет, кукла. Как ты? Хорошо дома, а? Или ты все еще в С* хочешь?

– Нет. Не хочу, – прошептала Аля.

– То-то же. Надо родителей слушать. Разве мать тебя не предупреждала?

– Ой, сколько раз! Все без толку, – мягко улыбнулась мама и осторожно погладила руку отца наманикюренными пальчиками. – Не мне тебе рассказывать, в кого она такая упрямец, – засмеялась. Отец обернулся. Мазнул по матери нечитабельным взглядом, но руки той не сбросил. И улыбнулся

В ответ.

– Ага. Моя порода. Что бы хорошее унаследовала. Так нет же, – усмехнулся криво. – Но я тоже молодец. Нужно было лучше за тобой приглядывать. Ты, небось, злишься на меня?

Как будто ему было до этого дело! Аля сжала кулаки под простыней и покачала головой.

– Нет. Ты не виноват. Спасибо, что послал за мной...

– Брось, – поморщился отец. – Тоже мне – заслуга.

– Погибли люди... – шепнула Аля.

– Они выполняли свою работу. И знали, на что шли.

– Да. Я в курсе. Просто... если бы не я... Они же чьи-то дети, сыновья, мужья... – голос Али задрожал. Мать нахмурилась.

– Аль, ну, мы же это тысячи раз обсуждали! Коль, скажи ей хоть ты!

– А что тут скажешь? О семьях двух погибших героев позаботятся. Можешь не волноваться.

Если бы Аля не услышала эти заветные «двух», она бы наверняка отметила, с каким цинизмом говорил отец о чьих-то оборвавшихся жизнях, но она услышала... Застыла вся. Ее бросало то в жар, то в холод. Щеки горели, а по позвоночнику вниз катилась тонкая струйка ледяного озноба.

– Двух? З-значит, майор Богданов жив?

Глава 13

– Поверить не могу, что ты опять об этом! – всплеснула руками мать.

Аля до боли, мельтешащей точками перед глазами, закусила изнутри щеку. Всерьез решив, что вновь поторопилась. Нужно было действовать тоньше... Тоньше! Но как? Ее терпение подходило к концу. А все силы уходили на то, чтобы в очередной раз не скатиться в истерику.

– Майор Богданов? – свел брови отец.

– Да! Я хочу его увидеть.

Отец моргнул. И перевел взгляд на мать, которая продолжала стоять у него за спиной, нервно прокручивая кольцо с неприлично большим бриллиантом, будто требуя от нее объяснений.

– Представляешь, эта глупышка решила, что влюблена в какого-то вояку.

Мать закатила глаза и покачала головой, словно это и впрямь было чем-то неслыханным. Или невозможным. Как если бы только она могла любить, а Але это не полагалось.

– Этот, как ты выразилась, вояка спас мне жизнь, прикрыв от пуль своим телом.

К чести Али, ее голос почти не дрожал. И звучал достаточно твердо. Хоть она уже, наверное, в сотый раз повторяла одно и то же.

– Что ж, я выпишу ему премию.

– Отлично. И устроишь нашу встречу.

Это было что-то новенькое. Аля никогда не разговаривала с отцом в таком тоне. В их семье это было не принято. Когда тот изредка появлялся в их доме, с него едва ли не пыль сдували. И старались всячески угодить. Отец был кем-то вроде бога, периодически снисходящего к ним, простым смертным.

Мать ахнула, как если бы Аля сказала что-то кощунственное. Вскинула руку, прижав ладонь к сердцу, отчего браслеты на ее хрупком запястье звякнули.

– Как ты разговариваешь с отцом?!

– Да ладно, Ир. Девочка еще не в себе.

– Я давно уже не девочка, папа. И поверь, мое желание – вовсе не блажь.

– А что же?

– Жизненная необходимость. Я хочу увидеть майора Богданова.

– Ты же понимаешь, что это невозможно? Богданов возглавляет секретную группу. Правила безопасности...

– Мне плевать на правила безопасности! Я хочу убедиться, что человек, который меня спас, в порядке. Хочу знать, что ему оказана помощь. И что он идет на поправку.

«И все еще заинтересован во мне!» – чуть было не добавила следом, но каким-то чудом сдержалась. Снова стиснула руки в кулаки. Сделала медленный, дающий время успо-

коиться, вдох. И добавила, интуитивно вдруг осознав, куда давить нужно:

– Ты же до сих пор не знаешь, кто это все организовал, правда, папа?

– Тебя это не касается! – отбросив маску добродушия, отец недобро сощурился.

– Это меня похитили, папа. Это мою жизнь поставили под угрозу. И пока ты не выяснил, кто это сделал, Богданов – единственный человек, которому я могу доверить свою безопасность.

Аля решила, что добьется своего, чего бы ей это ни стоило. Не мытьем, так катаньем. Кажется, так говорят? Она с достоинством выдержала тяжелый взгляд отца. Хотя это было очень непросто. От напряжения у нее сводило спину, а на висках выступали крупные капли пота.

– Богданов сейчас так слаб, что и себя не защитит, – наконец хмыкнул отец и, прежде чем Аля успела возразить, добавил: – Да ты не мельтеши. Я уже понял, что не отступишь.

В сердце Али затеплилась надежда. И это тепло распространяясь по ее телу волнами, заставляло его вибрировать.

– И что? Ты подскажешь мне, как его найти?

– Нет. Но если он захочет найти тебя, я мешать не стану.

Аля сглотнула, судорожно соображая, что означают слова отца. Неужели он сомневается, что Демьян захочет с ней встретиться? А что... Что, если ему это и впрямь не нужно? Что, если он ее до сих пор винит в гибели своих людей? Что,

если для него ничего не значит то, что между ними было? Мужчины наверняка проще относятся к сексу. Как он говорил? «Ты же понимаешь, что я тебя сейчас использую?»

Так, может, прав отец? И чтобы не выставить себя полной дуруй, ей стоит к нему прислушаться? Вспомнить о девичей гордости, от которой вряд ли что-то останется, если Богданов ее оттолкнет? А с другой стороны, разве она не обязана его поблагодарить? Чисто по-человечески сказав спасибо, без привязки к чему-либо кроме.

Нет. Не сможет она отделить зерна от плевел. Не сможет. Наверняка бросится ему на шею влюбленной дуручкой, а Демьяну это, может, и не надо вовсе. Ведь если бы он любил ее хоть немного, по-настоящему любил, ни за что не стал бы использовать в качестве приманки. А то, что он ее использовал, Аля почти сразу сообразила. И разозлилась так! Потому что это было лишнее. Абсолютно. Если бы он ее попросил, если бы рассказал о своих планах, она бы ни за что ему не отказала. И сама бы взошла на крест, если бы он только попросил...

– С ним точно все хорошо? – прошептала Аля, очертив пальцем узор на покрывале.

– Насколько мне известно, более чем. Так мы закрыли эту тему?

Отец нетерпеливо взглянул на часы. Он всегда куда-то спешил, и не было ни единого шанса, что они снова увидятся в ближайшее время, а потому Аля еще раз быстро-быст-

ро перебрала в уме их разговор. Все ли она спросила, все ли успела сказать?

– Наверное.

– Вот и хорошо. Мне уже ехать надо. Там к тебе, кстати, Денис обещал зайти.

– Так пусть заходит! – в разговор вновь вмешалась мама. – Может быть, выберутся куда-то развеяться. Было бы чудесно, правда, Аля?

Алина промычала что-то невнятное. Видеть она никого не хотела. Но отказываться от встречи с Кирилловым не стала. Он был правой рукой отца и по дружбе мог рассказать ей то, чего отец не посчитал нужным. Что-нибудь о Богданове.

– Да, конечно. Пусть, – сказала Аля.

Денис пришел почти сразу. На следующий же день. Принес неприлично большой букет орхидей – он вообще был щедр на подарки. Впрочем, цветы Алю не очень радовали. Ей они казались блеклыми, как и мир вокруг. Нет, конечно, она пыталась себя убедить, что это просто переходный период. Что её организму нужно время, чтобы перестроиться, «соскочив» с таблеток. Но пока она больше походила на сомнамбулу. Если бы не эта ее апатия, Аля наверняка бы заметила нездоровый интерес Кириллова к ее похищению. А так она совершенно без задней мысли рассказывала Денису все, что знала, тут же переводя разговор:

– Так у тебя и впрямь нет доступа к данным Богданова?

– Да сколько раз тебе повторять, – раздражался тот. – Нет!

Я даже не уверен, что это его настоящее имя. Ты хоть представляешь, какой там уровень секретки? Это же Тени.

– Тени? – повторяла Аля, перекатывая это слово на языке.

– А! – вскакивал Денис. – Ты ж без понятия, кто это.

– Без понятия... – послушно кивала Аля и скользила равнодушным взглядом к окну, за которым покачивалась ветка уже слегка пожелтевшего клена. Через два дня у нее начался новый учебный год.

– Так ты говоришь, Богданов знал, кто их слил?

– Я не знаю, – устав от разговора, Аля попыталась его поскорее закончить, но у Кириллова на этот счет были свои планы.

– Алька...

– М-м-м?

– Ты хоть представляешь, как я волновался?

– Спасибо, – невпопад улыбнулась та. Кого послушать, так она заставила поволноваться едва ли не всех знакомых. Вот только почему для этого ей нужно было попасть в плен? Почему до нее никому нет дела в обычной жизни? И даже Богданову нет... Теперь, когда угроза миновала? И миновала ли она в принципе? Самое страшное, что Алина даже в этом не была уверена.

– Аль, а давай все начнем заново, а? Выходи за меня, Алька... Мы ж с тобой вместе горы свернем.

Аля всегда думала, что для Кириллова она – гарантия преемственности президентского кресла. За расположение от-

ца, за возможность влиять на его решения боролись сразу несколько кланов, но только член семьи мог получить привилегии перед остальными. Понимала мотивы Дениса и Аля. Может, потому у них ничего и не вышло? Она всегда хотела быть для кого-то желанной просто так. Хоть для кого-то...

– Нет, Денис. У нас бы не получилось. Да и я другого люблю. Там... слишком далеко все зашло, понимаешь?

Кириллов недобро сощурился. Но Аля старательно отводила взгляд и не видела ни этого, ни того, что маска на его лице будто бы истончилась, на какой-то миг обнажив его истинную суть.

– Неужели ты думаешь, что человек возможностей твоего майора при желании не нашел бы, как на тебя выйти? Да ты же не нужна ему! Поимел – и выбросил.

«А кому я вообще нужна?» – хотелось крикнуть Але, но она не стала. Может, у нее такая судьба – быть никому не нужной?

К счастью, начинался учебный год, и ей можно было хоть как-то задраить брешь в душе. Отвлечься.

– Блин, вот знала же, что перед первым сентября в поликлинике будут огромные очереди, и все равно дотянула! – сокрушалась приятельница Али, Машка. Та растерянно кивнула, разглядывая лица сидящих в очереди к гинекологу девочек.

– Угу. Каждый раз одно и то же.

– В следующем году, зуб даю, начну медосмотр, как поло-

жено, в начале августа! В июне-июле еще половины врачей нет, но к августу они ведь подтянутся, как думаешь? А если вдруг кого не будет – можно и в последний момент пройти.

Большинство студенток, конечно, напрягала необходимость стоять в очереди, когда там, на улице, догорали последние летние дни, и только Алю радовала такая перспектива. Она готова была делать что угодно, лишь бы не думать. И не вспоминать. О своих ночных кошмарах. И о разбитом сердце. Можно было притвориться, что это и есть ее жизнь. Развеселая жизнь обычной студентки. Для которой самая большая проблема – эта самая очередь или предстоящие модули.

– Алька, тебя зовут, че сидишь?

Аля резко встала, толкнула дверь в кабинет. За большим, заваленным бумагами столом сидела высокая, плотно сбитая женщина.

– Раздевайся на стульчике и укладывайся в кресло. Доктор сейчас подойдет.

Алю передернуло. Она уже пожалела, что решила пройти медосмотр как все нормальные люди. Со студентками особенно не церемонились, а в кабинете гинеколога хотелось все же большей... деликатности. Пожалуй, это самое верное слово. К тому же потом оказалось, что врач – мужчина. Почему она не выяснила этого раньше? – ругала себя Алина, понимая, что и уйти она уже не сможет – как тут уйдешь, когда ноги выше головы, а пальцы того самого мужчины эм... в

тебе?

– Расслабьтесь. Дышите глубже, – мягко, но твердо заметил он. – Когда были последние месячные?

Аля закусила губу в попытке припомнить, когда же это было. С датами у нее всегда были проблемы. Зачем высчитывать цикл, если знаешь, что все, без сомнений, случится?

– Не помню, – покачала она головой.

– И все же. Это важно. Матка кажется увеличенной. Я бы сказал, что у вас беременность. Четыре. Может быть, пять недель. Я так понимаю, тест вы тоже не делали?

Аля нервно дернула головой. И зачем-то приподнялась на локтях. Словно надеялась что-то там увидеть.

– И что... что мне делать? – задала Алина довольно глупый вопрос, который, впрочем, можно было списать на шок, в котором она находилась.

– Тест для начала, – закатила глаза медсестра. – Аптека на первом этаже. И сортир там же.

Там, далеко-далеко, за тысячи километров отсюда, Демьян ей как-то рассказывал о том, что мозг всегда мобилизует весь свой ресурс в стрессовой ситуации. Может быть, это с ней и случилось. Ведь как-то Аля дошла до аптеки. Как-то купила и тест, и баночку для сбора анализов, сообразив, что куда-то ей нужно будет помочиться. И даже разобралась с инструкцией, которая, как и всегда, была напечатана едва видимым глазу шрифтом. Вернулась в кабинет уже без всякой очереди. Даже не постучав. Хотя доктор был занят ле-

жащей на кушетке за ширмой пациенткой.

– Беременна? – вздернула бровь медсестра, отвлекаясь от заполнения карточки.

– Да, – все еще пришибленно заметила Аля, отчего тетка, очевидно, решила, что новость эта для нее не из приятных.

– Ну, ты чего? Не расстраивайся. Бывает. Ты, если надо, доктора попроси. Он тебя посмотрит как надо. Плод-то еще толком не укрепился, – поиграла бровями медсестра и с намеком уставилась на Алю, до которой смысл сказанного дошел не сразу. – Эй! Ты куда?!

Алина не ответила. Прижимая сумку к животу, будто это могло ее защитить, она выскочила из кабинета и помчалась куда глаза глядят. Пока не натолкнулась на... мужчину. Высокого. Крепкого. Она в него как в скалу врезалась.

– Извините.

– Тш! – шикнул... Демьян. – Нужно поговорить. И лучше без лишних глаз.

Глава 14

Еще месяц назад, если бы она вот так в него врезалась, он бы этого даже не ощутил. Точней, не так. Её бы Демьян почувствовал непременно. И отреагировал бы соответствующим образом. Как любой нормальный мужчина, самец, на близость понравившейся самки. А сейчас... какой там? Он едва от боли не зашипел. Рука дернулась, чтоб накрыть штопаный-перештопаный бок, и лишь усилием воли он пресек это движение. Не хотел показывать ей свою слабость. Хотя, конечно, в сложившихся обстоятельствах это было довольно глупо. В конце концов, она его видела вообще без сознания. Залитого кровью и едва живого. Уже не контролирующего ни-че-го. Видела таким слабым, каким только может быть человек, застыв на волосок от смерти. Только благодаря ей он на этом тоненьком волоске продержался до самого госпиталя. А там его вытащили, хотя был момент, когда даже бывалые военные хирурги засомневались, что у них это получится.

И теперь Демьян чувствовал с Алей странную связь. Такую связь, которая у него раньше была лишь с мужиками из группы. Но Аля ведь не мужик. Аля – девчонка... Да нет! Все же женщина. Теперь уж он в этом не сомневался – настоящая большая женщина. И, если так посудить, боец. Если не по факту, то по своей сути. Ему под стать. С тех пор, как

очнулся, Богданов думал о ней, не переставая. Практически так же часто, как о работе и мести.

– Извините, – бросила она не глядя.

– Тш! – шикнул Демьян, все ж не до конца справившись с болью. – Нужно поговорить. И лучше без лишних глаз.

Надо было видеть ее лицо, когда она его узнала! Богданов даже криво улыбнулся, забыв о боли. Столько недоверчивой радости, столько облегчения было в ее глазах.

– Господи! Демьян! – она бросилась его обнимать. Порывистым, каким-то изломанным движением вскинула руки и опять об него ударилась. Демьян с шумом втянул носом воздух. А между тем, не понимая, какую боль ему причиняет, Аля затараторила: – Они мне не говорили, что с тобой! Пичкали транквилизаторами и не говорили, сколько я ни просила.

Богданов зло сощурился. Хотя как-то так он эту ситуацию и представлял. Правда, было дело – засомневался в том, что Аля в самом деле хотела его увидеть, когда к ней Кириллов стал частить. И даже успел узнать, что за зверь такой – ревность. А теперь вот смотрел в ее голубые, искрящиеся счастьем глазищи и думал – ну, не дурак? Нашел к кому ревновать. Как только ему такое в голову пришло? Не иначе раскис на больничной койке. Девчонка в него как кошка влюблена была. И только ему принадлежала. Так было, и будет так. Хрен он ее кому теперь отдаст. Демьян вдруг с удивлением понял, что он Алю больше в принципе не ощущал кем-

то отдельным от себя. Как будто она, пропитавшись его кровью, изменилась на генетическом уровне. Став его неотъемлемой частью. Новым, жизненно важным органом. Еще одним наравне с сердцем. Это без руки и ноги, скажем, можно жить. А вот без сердца – вряд ли.

Так он рассуждал. И не было в этих мыслях абсолютно никакого пафоса или пошлой романтики. Демьян не смаковал их, не прокручивал в голове то так, то эдак. Он лишь отмечал факт. Будто зарубки ставил, прокладывая новый маршрут своей жизни. Смиренно соглашаясь, что иного ему не дано. А все для себя решив, остановился. Замер. Потому что расслабляться еще было не время.

Демьян осторожно подтолкнул Алю к стулу. Возле прививочных кабинетов не было никого.

– Мы что, будем говорить здесь? – удивилась Аля.

– На улице тебя ждут приставленные отцом топтуны.

Аля кивнула. Кажется, даже не удивившись.

– Я чувствовала, что за мной следят. Кто-то шел за мной, когда я гуляла в парке. И когда я в собачий питомник ездила. Человек в зеленой кепке.

Демьян уставился на Алю во все глаза. Задумчиво свел брови и усмехнулся.

– Надо же.

– Что? – не поняла она.

– Люди твоего отца работают гораздо топорнее, чем я. А ты вычислила меня, а не их.

И этот факт, факт, который вообще-то должен был заставить его насторожиться – потому как, где это видано, чтобы лучшего бойца Теней вскрыли, напротив, заставил его испытать совсем неожиданное в сложившейся ситуации чувство – сумасшедшего, какого-то непонятного и очень примитивного мужского довольства. Она его почувствовала... Демьян хищно улыбнулся. Крылья носа дрогнули. Как у животного, унюхавшего добычу.

«Спокойно!» – отвесил себе мысленного пинка Демьян, но даже после этой команды ему потребовалось еще несколько секунд, чтобы вернуть себе привычную отстраненность.

– Так ты был рядом? – Аля задрожала, обхватила себя ладонями. – Почему же не дал мне об этом знать?

– Не всегда. В основном твою охрану обеспечивали мои люди. А я, как ты понимаешь, был немного не в форме. – Демьян растер бок.

– Чем тебя не устраивала охрана, которую мне выделил отец?

Голос Али немного дрогнул. Как будто она говорила совсем не то, что ей хотелось.

– Я в них не уверен.

– Но ведь это твой человек – предатель. Третий, кажется?

Богданов резко кивнул. Пальцы конвульсивно сжались. И уже новая порция боли, никак не связанная с ранением, окатила его кишки. Он не сразу поверил, что их сдал Серый. Придя в себя, буквально с первых дней вернувшись к работе,

он пытал Яра снова и снова. Подозревая скорее даже его. Боясь ошибиться. Опять. Но рассказ Четвертого выходил довольно складный. Концы с концами сошлись, и вышло, что Серого завербовали совсем недавно. Демьян винил себя, что проглядел это дело. Что списал изменения, произошедшие с Третьим, на хаос, случившийся в его личной жизни. В то время как там гораздо более опасный был слом. И дилемма встала посерьезней, чем выбор между бездетной женой и беременной любовницей. Богданов, не привыкший перекладывать вину на кого-то другого, терзался мыслью, что все могло бы быть по-другому. Осознай он проблему вовремя, непременно нашел бы способ вправить Сереге мозги. Но в то же время майор никак не мог уложить в голове, как Третий, пройдя с ним бок о бок такой долгий путь, в конце его перемянул на сторону... Хуже него самого себя чувствовал разве что Ярослав. Лучший друг Третьего. Четвертый номер в группе. Вот кому Демьян вообще не завидовал.

– Он не стрелял по нашим, – прохрипел Яр.

– Ну, хоть это радует, – невесело усмехнулся Демьян. Сжал переносицу, судорожно соображая, как ему быть. Что говорить жене Серого, родителям... Ладно, Второй. Тот в самом деле как герой умер. А впрочем, разве его близким есть дело до того, как это случилось? Важен сам факт!

– И не сопротивлялся, когда я...

Убил его. Об этом Богданов тоже старался не думать. Хоть и знал, что сам бы поступил так же, что бы их с Серегой ни

связывало в прошлом. Предатель – он и есть предатель. Яр поступил правильно. И по инструкции, и по совести. Другое дело, как он с этим справится. Сможет ли себя простить. Или до конца жизни будет себя винить в том, что пустил пулю в лоб лучшему другу?

– Он хотел смерти. Понимаешь? Смерть стала для него облегчением. Думаю, он и сам был не рад, что вляпался в это дерьмо. Знать бы, кто его заставил... – Яр сжал руки в кулаки и уставился прямо перед собой, с трудом удерживая под крышкой контроля закипающую внутри ярость.

Демьян не стал говорить, что знает. Это был Кириллов. Больше некому. Тот явно метил в президентское кресло. И, может, что-то такое Сереге пообещал, от чего тот, без меры честолюбивый, не смог отказаться. О своих подозрениях он сообщил лишь Главному. Тот выслушал. Кивнул. Обещал доложить Главнокомандующему. Но прошел день. Два, три... А Кириллов продолжал кататься как сыр в масле.

Тогда Демьян снова пришкандыбал в контору. И говорил он с Главным, надо сказать, так, как никому другому тот бы никогда не простил.

– Ты меня, Первый, никак в чем-то обвинить хочешь? Думаешь, я президенту о твоих догадках не доложил? Может, ты и меня крысой считаешь, щенок, забыл кто тебе здесь и мамой, и папой...

– Никак нет, – сцепил зубы Демьян, понимая, что и впрямь не с тем залупился.

Иван Савельич глянул на Демьяна из-под густых бровей. Сейчас казалось, будто он врос в свой стол – неподвижный и такой же, как стол, не привлекающий к себе внимания. Но Богданов знал, как обманчива эта картинка. Внутри Князева жил вулкан. Он кипел, обдавал раскаленным духом... Ходил слух, что многие смельчаки, рискнувшие этот вулкан затушить, бесследно пропадали в его жерле. Демьян не знал этого наверняка, но нисколько не сомневался, что при желании этот человек и теперь мог убить десятками способов кого угодно. Может быть, даже не вставая из-за этого самого стола.

– Я доложил, – сказал снисходя. – Но ты в курсе, какая там возня подковёрная. Он решил, что силовой блок нарочно дискредитирует его ставленника.

– Да что б его, – выругался Демьян. – Неужели он не понимает, что рискует безопасностью собственной дочки?

Князев равнодушно придвинул к себе бумаги и, не отрываясь от просмотра документов, заметил:

– Ну, так обеспечь ее девочке. Слышал, у тебя свой интерес.

Если бы умел – Демьян покраснел бы. Как будто ему снова десять, и он, впервые влюбившись в свою одноклассницу, нарвался на осуждение дворовых пацанов. Для которых любовь к девчонке – лишний повод позубоскалить.

– Своими силами?

– Да уж, конечно. Своих привлеки. Все равно без дела бол-

таются. Вообще не знаю, что с вами теперь делать, – непривычным, каким-то растерянным жестом Князев растер заросшую частой щетиной щеку.

Демьян понимал, куда тот клонит. По большому счету их группу нужно было списывать в утиль, после последнего провала. А его самого, скорее всего, и Ярослава под трибунал отдавать. Это если по-хорошему. Другое дело, что из-за специфики работы никаких трибуналов у них не предусматривалось. Человек просто исчезал. Будто его и не было.

– С нами-то что? Решите. А вот с Кирилловым... Неужели ему все сойдет с рук?

Князев покусал дужку очков.

– Я так понимаю, у тебя есть план, как этого не допустить?

План у Демьяна был. И теперь он должен был поделиться им с Алиной. Потому что ей опять в его планах была отведена немаловажная роль. Богданов вынырнул из пучины воспоминаний. Растер все-таки бок и заметил сухо:

– Да, Третий сделал свое темное дело. Но не он это все организовал.

– А кто? Тебе это... известно?

– Да. Именно, чтобы узнать имя заказчика, я слил информацию о нашем передвижении. Хотел проверить свои догадки.

Мимо, гремя тележкой с какими-то инструментами, прошла молоденькая медсестричка. Залипла на Демьяне, потому что не часто, точнее, вообще никогда в их поликли-

нику не захаживали подобные образчики мужчин, и, споткнувшись, пошла дальше. Богданов проводил спину девицы взглядом и вздрогнул, когда совершенно неожиданно Аля со всей дури наступила ему на ногу.

– Ты что? – удивился он.

– Это тебе за то, что меня использовал.

– А... – он понимающе качнул головой, растер ладонью шею. – Все думал, когда тебя прорвет. И как это будет, – усмехнулся. – Извини, что втянул тебя. Иначе не мог.

– За то, что втянул? – Аля открыла рот, удивленная тем, что он и впрямь не понимает. И самым этим разговором, совсем не таким, как она ждала. – Думаешь, я злюсь из-за этого?

– Нет?

– Нет, конечно!

– А на что же тогда?

– На то, что ты меня обманул!

– Я тебя еще и использовал. В качестве приманки, – будто добывая ее, или желая проверить, разжевал майор.

– Да. Но гораздо важнее то, что ты не сказал мне правды, – стояла на своем Аля, которой вообще хотелось прекратить этот разговор и, наконец, обсудить гораздо более важные вещи.

«Ты меня любишь? У нас будет ребенок... Ты рад?»

– То есть если я расскажу тебе свой план, как есть, ты не откажешься мне помочь?

– Ч-что?

– Я знаю, кто организовал твоё похищение. И мне нужна твоя помощь, чтобы вывести его на чистую воду. Вот почему я здесь.

Глава 15

«Вот почему я здесь... Вот почему я здесь...» – эхом прокатилось в опустевшей от всех других звуков и мыслей голове.

– Аля, ты меня слышишь?

– Да. Да, конечно.

Слышит, но не понимает. Или... не хочет понимать. И принимать заодно не хочет.

Это что же выходит – майор к ней обратился за помощью? И только? А если бы он сумел без нее обойтись, она бы его больше никогда не увидела? Значит, это только ее сжирала сильнейшая потребность быть с ним, трогать... и лишь им дышать? Наверное. Иначе он бы нашел способ встретиться с ней раньше. Прав отец. И Кириллов прав. Никто не смог бы ему помешать. Ни охрана. Ни уж тем более замок, под который ее посадили.

– Тебе нехорошо?

Демьян странным образом сжал ее ладошку, сомкнув на запястье пальцы, будто пульс проверяя. Обжег. Не в силах вытерпеть это касание, Аля резко отдернула руку, с трудом подавив в себе желание убежать. Подальше от него. И от правды, к которой оказалась совершенно не готовой.

– Нет. Я в порядке. Что от меня требуется? – хрипло спросила Аля.

Богданов с ответом не торопился. Его напряженный взгляд скользил по ее лицу, растрепанным, небрежно разбросанным по плечам волосам, которые она не удосужилась уложить. Спустился ниже. Наверное, это было глупо в сложившихся обстоятельствах, но Алина пожалела, что не принарядилась. Знала бы, что они встретятся – так постаралась бы не ударить лицом в грязь. Возможно, если бы он имел представление, какой она может быть красивой, захотел бы с ней остаться? А так... Демьян ее видел лишь в самом непрезентабельном виде. Расштанной, нестабильной, вздорной. Лишенной всякого человеческого достоинства, потому как, что ни говори, животный страх, который ее в ту пору сковывал, не оставил от него ни-че-го. Она превратилась в звереныша. И все её потребности свелись к животной необходимости выжить. Выжить любой ценой. А он... Он ведь стал тем единственным, кто мог ей в этом помочь. По факту он и стал ее... жизнью.

– Ты действительно сделала педикюр, – неожиданно заметил Богданов.

Аля сглотнула и опустила взгляд к ногам. На ней были летние босоножки на низком ходу. Тонкие ремешки открывали прекрасный вид на ее холеные пальчики. Ну, сделала и сделала. Не подтверждать же очевидное? А что тут еще сказать, Алина не знала. В замечании Демьяна ей почудился какой-то сексуальный подтекст. Но она уже сама себе не доверяла, поэтому, опасаясь в очередной раз выставить себя

полной дурой, заметила резко:

– Ты не сказал, что от меня требуется.

Демьян помедлил. Не поднимая на него глаз, Аля тем не менее чувствовала, как по ней скользит его внимательный взгляд. Что он там высматривал? Неужели заметил какие-то изменения? А ведь она могла измениться! Все беременные меняются. Но могло ли это случиться так быстро?

Господи боже... Она беременна!

И что ей с этим делать? Сказать Демьяну? Так ведь Али-на не была уверена, что он обрадуется этой новости. Зато не сомневалась, что он поступит по совести. И от ответственности не станет отлынивать – женится. Из-за ребенка, да. Но вовсе не по любви, как ей мечталось. И будет в её окружении еще один человек не по любви. Во рту собралась горечь.

– Твое похищение организовал Кириллов.

– Ты, должно быть, шутишь, – засмеялась Аля. Засме-ялась не потому, что ей было весело. Осознав это, Али-на оборвала себя, понимая, что, продолжи она в том же духе – непременно скатится в истерику. Опять.

– Это не та ситуация, в которой я стал бы шутить.

– Надо полагать, у тебя есть доказательства?

– Косвенные. Но железобетонные.

– Так расскажи о них моему отцу.

– Уже, – отрезал Демьян и, насупив брови, продолжил. – Послушай, я не в курсе, насколько ты в теме. Не удивлюсь, если окажется, что ты далека от всей этой политики и поня-

тия не имеешь, что происходит вокруг твоего отца...

Аля хмыкнула. Какого же все-таки невысокого мнения он о ней был!

– Ну, почему же? Некоторое представление у меня есть. Так почему, ты говоришь, отец не поверил вашим данным?

– Он посчитал, что силовой блок, преследуя свои цели, решил опорочить его ставленника.

– Ах вот как. Тогда с чего ты решил, что я поверю в версию... как ты сказал, «силового блока»?

– Я не прошу тебя верить в версию силового блока. Я прошу тебя верить мне.

И вот тогда она все-таки на него посмотрела. Измученная. Растерянная... Не верящая по большому счету уже никому. Глядя в черные глаза Богданова, Аля вдруг поняла, что дошла до того предела, за которым ничего нет. Даже страха, с которым она, в общем-то, сроднилась. Лишь глухое опустошение. И желание как можно скорее покончить с этой историей.

– Мне ты веришь?

Он снова взял ее за руку, но на этот раз Аля не стала вырываться. Позволяя себе эту близость. Зыбкую, как поднимающийся от раскаленного асфальта, идущий рябью воздух.

– Просто скажи, что от меня требуется.

– Установить одну штуковину к нему на телефон. И пару жучков. Мы можем обойтись без тебя, но на это уйдет больше времени. Все же у тебя прямой доступ в его апартаменты.

Может, ей не стоило верить Богданову так безоглядно. В конечном счете, Дениса она знала гораздо дольше. И логичнее бы, наверное, было верить как раз ему. Но в момент, когда градус сомнения достиг своего пика, Демьян, будто это почувствовав, изложил Але все, что ему удалось узнать. И что заставило его самого думать так, а не иначе. Выходило складно. Так складно, что и не подкопаешься. Впрочем, не это было главное. Просто если не верить Демьяну, то как вообще жить? Не может же все... абсолютно все быть неправдой?

– И когда ты мне отдашь эти... штуковины?

– Сейчас. Держи. Как только мы будем готовы, с тобой свяжутся. Постарайся устроить встречу с Кирилловым оперативно.

– Хорошо. Это все?

– Нет. Тебе нужно понять, как это работает. Ничего сложного... Я сейчас расскажу.

И еще пару минут майор ей рассказывал, как обращаться со шпионскими примочками, которые он ей дал. А потом в коридор влетела Машка, и Демьян ретировался, чтобы не привлекать к себе внимания. Глядя ему в спину, Аля отмечала, как тот похудел. Не критически, нет. Но ей, вдоль и поперек изучившей его сильное тело, было заметно.

– Это что за мужик? Чего ему от тебя надо?

– Да так, – отмахнулась от подружки Аля, – знакомый один. Слушай, я есть хочу страшно, ты не против заскочить

в Бургер Кинг?

– А давай. Я из-за этих анализов весь день голодная. По-годи, я еще Катюку с Ветом позову.

Машка достала телефон и застрочила в общем чате приглашение на обед. В итоге собралась довольно приличная компания. Было шумно. Каждый посчитал своим долгом рассказать о том, как провел лето, или пожаловаться на чудовищно плотный график занятий, который вывесили на официальном сайте универа еще вчера.

Аля смотрела на это все и чувствовала себя абсолютно чуждой. И этим людям с их обычными человеческими, ничтожными по ее меркам проблемами, и этому пропахшему чем-то кислым месту.

Ей, наверное, вообще не стоило сюда приходить. Бургеры и картошка фри – не лучшая еда для будущей матери. Но почему-то хотелось именно чего-то такого. Вредного. Впервые за этот день Аля улыбнулась. Тайком под столом коснулась своего живота, не в силах поверить, что там в этот самый момент в ней берет начало, укрепляется хрупкая жизнь. Но вместе с радостью к Алине пришла и тревога. Она достала телефон и быстро загуглила «прием антидепрессантов во время беременности». Пробежала глазами по строчкам первой всплывшей статьи... и выдохнула. Потому что ничего критического, к счастью, не случилось. Но ведь могло. Если бы ее и дальше продолжали... насиловать. Иначе Аля то, что с ней происходило после возвращения из плена, назвать не

могла.

Она еще не решила, станет ли говорить Богданову о ребенке, но точно знала, что обязательно к нему обратится, если ей... им потребуется защита от «опеки» ее семейства. Не то чтобы Алина думала, будто те вынудят ее сделать аборт. Или как-то навредят малышу, но... и такого не исключала.

Мать с отцом свято верили в то, что лучше нее самой знают, как Але следует жить.

Телефон зазвонил тогда, когда она уже думала вернуть его в карман рюкзака. Взглянула на экран. Заволновалась. Денис! Нет, его предательство не выбило почву у неё из-под ног. Аля росла в обстановке постоянной непрекращающейся борьбы. Кланов за господство. Она с молоком матери впитала, что такое – грязная игра. Она знала, что власть развращает, а абсолютная власть – развращает полностью. И что нет той грани, нет черты, перед которой бы противоборствующие стороны остановились. Ведь на войне, как известно, хороши все средства. Скорее... она брезговала. Да, вот так. Брезговала, что целовалась с этим мужчиной, что позволяла ему себя ласкать. И что в свое время чуть было ему не отдалась. Готовая себя предать, но угодить папе.

Впрочем, если бы Аля это сделала, Денису не потребовалось бы организовывать многоходовку с ее похищением. И ей бы не пришлось пережить весь этот ужас. Но и Демьяна она бы не узнала тоже... Так и жила бы, может, даже счастливая... Решила бы для себя, что это и есть любовь. Никогда

не узнав, что существует любовь на самом деле.

– Денис? Привет. Что-то случилось?

– Случилось? Нет. Почему? У меня тут несколько встреч отменилось, думал к тебе заехать.

– А я не дома, – и тут же сообразив, что вот он – прекрасный момент напроситься к нему в гости, выпалила: – Но можем встретиться у тебя. Я тут неподалеку. А ты где?

Оказалось, что совсем близко. Аля распрощалась с приятелями и помчалась через переход на другую сторону улицы, где совсем скоро затормозил небольшой кортеж из трех автомобилей. Скромный по любым меркам.

– Привет! – улыбнулась Аля, скользнув в заботливо приоткрытую дверь салона.

– Привет. Плохо выглядишь.

Не иначе – в ней пропадала актриса. Аля засмеялась, несмотря на общее волнение и нервозность. Вцепилась по сильнее в лежащий на коленях рюкзачок. Казалось, ее ноги жгут спрятанные там устройства.

– Разве тебя не учили, что говорить такое девушке нельзя ни в коем случае?

– Так ведь это правда. Бледная ты. А я волнуюсь.

– Да ты что! Мне уже лучше. Не стоит еще тебе вокруг меня пляски с бубном устраивать. Мне родителей хватает за глаза. Вот честно.

Денис хмыкнул. Неприятно так. Она даже поежилась, не сумев скрыть своего отвращения. К счастью, Кириллов за-

лип в телефоне и этого не заметил. Как же ей добраться до его айфона? Он ведь никогда почти не выпускал его из рук.

– Эй! Я сейчас обижусь.

– Чего это?

– Пригласил девушку на свидание, а сам весь в работе. Вот возьму и заберу твой телефон!

Ей показалось, что Денис удивился. Впрочем, тот слишком долго был в политике, чтобы она могла судить об этом наверняка. Могло и показаться. Свои чувства тот научился виртуозно скрывать.

– Все-все. Я весь твой. Приехали.

Но, к счастью, обманул. И когда они поднялись в квартиру, опять залип на экране, быстро-быстро набирая какой-то текст.

Аля извернулась, выхватила гаджет из его рук. За спину спрятала и высунула язык, будто его дразня. И получилось! Кириллов постепенно расслабился и даже улыбнулся в ответ, хотя поначалу, она это уловила, в его глазах мелькнула злость.

– Не боишься, что я тебе покажу, на что еще твой язык годен? – вдруг хрипло спросил он. И Алё снова чуть не передернуло. И ведь не впервой ей были такие откровенные намеки, Демьян себе их тоже позволял. Но из его уст это звучало совсем по-другому.

– Ты для этого слишком занят. Своими делами.

Все-таки она нашла правильные слова! Денис хищно

улыбнулся. Шагнул было к ней, но, передумав, бросил:

– Я нам выпить налью. Шампанского. Хочешь?

Аля прикинула, что с шампанским ему, по крайней мере, придется повозиться. А значит, ей удастся все провернуть. Если он даже телефон ей оставил!

– Хочу! С сыром тем, помнишь, ты меня угощал как-то? Или с клубникой!

– Посмотрю, что у меня есть.

Когда он скрылся, Аля дрожащими руками воткнула в разъем телефона маленькое устройство. На нем тут же мигнула зеленая лампочка, из чего Алина сделала вывод, что все сделала правильно. И чуть перевела дух. А после бросилась к двери кабинета, где ей полагалось установить еще и жучок. Руки дрожали от страха, адреналин бил в голову сильнее убойной дозы алкоголя, и ее вело, как пьяную. Еще один жучек удалось закрепить на торшере в гостиной. Лампочка на устройстве, подключенном к телефону, мигнула вновь. Что это означало? Демьян ей говорил. Ну, ведь точно говорил, а она забыла! Аля оглянулась на дверь и резко выдернула штуковину, надеясь, что все сделала как надо. В конце концов, уже прошло столько времени, что Денис мог вернуться в любой момент. И больше нельзя было медлить.

– Клубники не оказалось. Но сыр нашел.

У нее, наверное, паранойя! Почему он на нее так смотрит? И взгляд совсем черный...

– Что ж ты стоишь? Бери...

Аля сделала пару глотков, мысленно извинившись перед малышом. Что-то залепетала. О том, как прошел ее день, о друзьях, о придуманных буквально только что планах отправиться на Новый год в Париж. Почему туда, господи? А он все смотрел на нее и смотрел. И было ей отчего-то жутко под этим взглядом. К счастью, совсем скоро позвонила мать, и, сославшись на то, что ее ждут дома, Аля засобиравалась домой.

Ее отпустило лишь на улице. Не полностью, но, по крайней мере, она смогла глубоко вздохнуть. Нырнула в метро. Время было послеобеденное. Народу было не слишком много. Поэтому, дожидаясь поезда, Аля прохаживалась туда-сюда, не в силах почему-то оставаться на месте. Вдруг вспомнила, что так и не позвонила майору, не отчиталась о проделанной работе! Улыбнулась криво. И даже достала телефон, прежде чем вспомнила, что он так и не сказал ей своего номера.

Загрохотало. Поезд приближался. По привычке Аля отступила подальше от края платформы. Но почти в тот же миг какая-то невидимая сила толкнула ее. С чудовищной силой толкнула в спину. И она, не устояв, упала на рельсы.

Глава 16

Штаб, если это так можно назвать, разбили прямо у Демьяна в квартире. От работы их всех отстранили на время проверки. Распоряжением первого лица. Что б ему пусто было...

С другой стороны, такое времяпрепровождение шло его мужикам на пользу. Пришибленные известием о предательстве Третьего почти так же, как и смертью Второго, они черпали друг в друге силы для того, чтобы это все пережить. Демьян видел, как бойцы маются. Как спрашивают себя – почему так? Как копаются в обрывках собственных воспоминаний в попытке найти хоть какую-то подсказку. Был ли шанс этого не допустить? А если был, в какой момент они прошли точку невозврата? Когда они, взрослые, матерые вояки упустили товарища? Иногда взгляды парней встречались:

– Ты че-нибудь понял? – читалось в глазах одного.

– Не-а, – безмолвно отвечал другой.

– Дерьмо... – вот и весь разговор.

Вопросов было не так уж и много. А ответов на них не было в принципе. Понимал это каждый. И каждый считал своим долгом отомстить тому, кто сбил Серого с толку. Хотя, положив руку на сердце, винить в том кого-то было очень и очень глупо. Третий знал, на что шел. Этому было одно название – предательство. Да и чем оно может обернуться,

Серый тоже понимал прекрасно.

– Какого черта? Шеф, ты объяснил девчонке, что делать? – Родион, их техник, оттолкнулся ногами от пола и, проехавшись до письменного стола на офисном стуле, впился взглядом в оживший экран монитора.

Демьян настороженно замер. Медленно-медленно отстал от себя турку – он кофе пытался сварить – и вытер руки полотенцем.

– Да. Я объяснил. Что-то не так?

– Все не так! – рявкнул Родик. – Эта дурында, похоже, подключилась, не дожидаясь команды, – тонкие пальцы мужчины вспорхнули над клавиатурой и быстро-быстро застучали по кнопкам.

– Какого черта? – спросил Богданов не своим, чужим, ломким голосом. – Проверь жучки!

– Уже! Есть контакт.

Демьян схватил телефон. Набрал Алексея, который сегодня присматривал за Алькой.

– Восьмой, что у тебя?

– Да ничего. Скукота. Девчонка со слизняком. А мы у дома кружим.

У Богданова свело скулы. Он гадал – раскрыл ли Кириллов Алю. Или все еще впереди. У него по всему дому камеры видеонаблюдения! Чем эта дурочка думала?! Ну, неспроста же он ей дал четкое указание – действовать лишь после его команды. Когда они с этими чертовыми камерами разберут-

ся! Аля же... черт, она все на свой нос сделала. Шпионка недоделанная. Впрочем, он тоже хорош. Чем думал только? Не нужно было ее привлекать. Не нужно...

– Девочка поспешила. Мальчик все понял. Глаз с нее не спускай. Сечешь? Глаз с нее не спускай!

– Да что ей будет? Наверх уже наверняка доложено, где она и с кем. Мальчик не дурак – понимает.

Да-да, вряд ли Кириллов станет убивать Алю прямо сейчас... Демьян успокаивал себя этой мыслью, но у него все равно все внутри холодело, когда он об этом думал. Поняв, что запахло жареным, Дениска в спешке запросто мог наломать дров.

Ну, погоди, сумасбродка! Я до тебя доберусь. Доберусь и отхожу так, что мало не покажется. Выпорю! – думал майор. А потом сам головой о стену. Потому что девчонке такой залет простителен. А вот ему... Это ж вообще ни в какие ворота. Как только в голову пришло поручить ей такое опасное дело? И похрен, что все должно было быть не так. Похрен, что он планировал прикрыть ее хорошенькую задницу в момент опасности со всех сторон. Так, чтобы ничего ей не угрожало. Он главного не предусмотрел! Того, что Аля все на свой нос сделает. Идиот. Привык, что все ему в рот глядят и команды исполняют неукоснительно.

– Когда будет звук?

– Да уже есть. Прошу...

И потом они слушали. Их разговор. Голос Али звучал

неестественно. Ей не удавалось отыгрывать. Он дрожал, он звенел, он вибрировал в самых высоких нотах, выдавая то нервное напряжение, в котором она находилась.

– Я поеду туда. Иса, Яр... вы со мной. Сема с Родионом останутся здесь.

– Лучше бы тебе не светиться.

– С кем она разговаривает? – сощурился Иса.

– Похоже, с матерью. Кажется, она собирается уходить.

Демьян, ты погоди, сейчас самое интересное начнется.

– Да не начнется, если он ее на камерах видел. Затаится – и все.

– Т-ш-ш! Заткнитесь. Не слышно ведь ни хрена.

На несколько мгновений в комнате повисло молчание, нарушаемое лишь помехами в связи. А потом они услышали и записали то, что одновременно могло послужить и живым доказательством вины Кириллова, и началом конца... всего.

– Он только что отдал команду ее убрать? – моргнул Сема, но Демьян этого уже не заметил. Он, гонимый каким-то диким, незнакомым ему прежде ужасом, уже неся к двери, выкрикивая отрывистые команды:

– Сема, Родион, подключайте Князева. Скидывайте на него все, что есть. Иса, Яр, вы со мной... – рвал слова, задыхался! Скатившись с лестницы, связался с Восьмым. Объяснил ему ситуацию. – Леша, головой за неё. Головой...

И понимал ведь, что дико выглядит. Но никак не мог взять под контроль, впервые в жизни не мог совладать с собой.

Ученый-переученный, владеющий, кажется, всеми известными техниками укрощения духа, абсолютно бесстрашный в моменты опасности, он впервые боялся. Боялся так, что у него дрожали коленки и пальцы на руках.

– Я поведу, – глядя на такое дело, заметил Яр. К счастью, никак не комментируя поведение Первого, которое, вероятно, не на шутку его удивило.

Леша сбросил сообщение, что Аля опустилась в метро, где связь может прерваться, как раз когда они уже были на подъезде. Кое-как припарковали машину. Не сговариваясь, рассредоточились, сканируя пространство. Дорога вниз.

Демьян сразу почувствовал, еще до того, как увидел собравшуюся толпу, что дело плохо. На секунду даже мелькнула мысль, что он опоздал. И сердце ухнуло куда-то в пятки. Толчком. Переворачивая его привычный мир. Мир, который он считал незыблемым, как законы мироздания, с ног на голову... Враз меняя все.

– Что случилось? – доносились обрывки речи.

– Сиганула под поезд!

– А может, плохо стало, голова закружилась?

– Не знаю. Если бы не тот парень, что за ней на рельсы бросился – был бы труп.

За пару секунд, что он пробирался сквозь толпу зевак, Демьян столько всего услышал, что к концу движения картинка в его голове сложилась. Первым поймал взгляд Лешки. Позавидовал его самообладанию... И не глядя на нее, пото-

му что в этом не было совершенно никакой необходимости – Демьян Алю чувствовал кожей, подхватил ее на руки и пошел прочь. Подальше от зевак. И опасности, которая все еще кружила где-то рядом. Парни тенями прикрывали его тылы. Богданов отмечал это машинально, сосредоточившись сам на другом – ее свистящем дыхании.

– М-мне н-надо в б-больницу.

От озноба, который ее охватил, Алькины зубы стучали. И слова различались с трудом.

– Ударилась? Что болит?

Демьян осторожно, насколько мог, принялся ощупывать ее тело. Упав с такой высоты, она могла себе и шею свернуть, а на адреналине того даже не заметить.

– Я сегодня узнала, что беременна. Мне нужно в больницу. Понимаешь? От падения...

Аля не договорила. Да он и так понял. И зубы стиснул сильнее. И ее в руках – невольно.

Радости пока не было. Только злость. Которую он, как и все другие чувства сегодня, практически не контролировал.

– До... или после нашего с тобой разговора?

– До.

Хотел спросить, какого черта она тогда ничего ему не сказала! Но лишь вдохнул глубже. Еще и еще раз. Не дело было на неё орать сейчас. Лучше потом. И наорать, и... выпороть. Когда родит. И откормит... А до этого нельзя. Что ж он – изверг? Пороть беременную или кормящую мать?

Брошенная машина так и стояла у самого входа в метро. С собой Демьян взял только Ису. Остальным было поручено разобраться с ситуацией по горячим следам. Не упустить исполнителя, потому что с заказчиком все уже было понятно.

Седьмой сел за руль. Демьян с Алей устроился на заднем сиденье. Взял ее ободранную ладошку. Колени тоже были не в лучшем виде. Исходя из диспозиции ран, выходило, что упала она довольно удачно. Если так можно было сказать.

– Иса, там где-то... в бардачке аптечка... Поддай.

– Я-то подам. А ты выдохни. Смотреть на тебя страшно.

Демьян вскинул взгляд. Встретился со смеющимися глазами Исы и... только тогда понял, что и впрямь задыхается. Перевел дух. Забрал переданную аптечку, достал спиртовые салфетки. И в тот же миг его телефон ожил. Отвечать Демьян не торопился. Он все водил и водил этой самой салфеткой по ее трогательно маленькой ручке. И тонул в её потемневших от страха глазищах.

– Все будет хорошо, слышишь? – сказал он с уверенностью, которой не испытывал совершенно. Говорил лишь потому, что понял, как ей сейчас это нужно. А не сдержавшись, все же добавил: – Дурочка!

И пряча эмоции, рвущиеся из-под контроля, зарылся лицом в ее волосах и только тогда приложил трубку к уху. Звонил Князев. А потом и Алькин отец. Разговор вышел непростой. Но Демьян понимал, что это все – цветочки. И что ягодки будут потом. Впрочем, ему об этом думать было некогда.

Их уже ждали в больнице.

– Я что-то не так сделала? – после того, как Алю со всех сторон осмотрели, когда обработали ее раны и взяли все необходимые анализы, кажется, исколов ее всю... Демьян, который в этот момент отбил один вызов, за которым сразу же последовал следующий, сунул трубку в карман.

– Не дождалась моей команды. Я... не успел позаботиться о твоей безопасности.

– Твоей команды? О... – выдохнула Аля. – Я не думала, что это важно. Прости.

– Прости?! – рыкнул он. – Прости? – подлетел к ней, лежащей на больничной койке. – Я же мог... С тобой могли...

Привыкший контролировать каждый... абсолютный каждый аспект собственной жизни, Демьян вдруг понял, что его контролю неподвластен, пожалуй, самый важный. Он замер над ней, совершенно обескураженный. Сжимая и разжимая огромные кулаки и дыша жадно, со свистом.

– Я больше так не буду, – прошептала она. Ну, совсем! Совсем ведь как ребенок. Куда ей своего? А впрочем, что уж теперь? Как-то справится. Он, с двумя. С Алькой своей и тем... кто там у них родится? Не дай бог – девка. Он же с ума сойдет. – Ты только не уходи сейчас, хорошо? Видишь, я опять за тебя цепляюсь...

– Ну, а за кого тебе цепляться, как не за меня, м-м-м? – Демьян понял, что чертовски, нечеловечески просто устал. Осторожно лег к ней под бок. Обещая себе, что это на се-

кундочку. – Я же твой...

– Кто? – шепнула Аля ему в шею.

– Первый, – усмехнулся. – И последний. Если меня твой отец после всего случившегося в расход не пустит. Как тебе такая новость?

– Отлично. А сам-то ты как?

– Что как?

– Относишься к этой новости, – пробормотала невнятно Аля, старательно отводя от него взгляд, будто ей и дела не было до того, что Демьян ответит. А он, почему-то совершенно очумевший от последних событий, разомлевший от ее тепла, убаюканный монотонным жужжанием каких-то приборов, никак не мог облачить в слова то, что ему самому уже давно было понятно.

– Я тебя все равно не отпущу! Ну и что, что ты меня не любишь?! Плевать! Я не могу без тебя. Не могу, слышишь?! И даже если будешь со мной из жалости – не отпущу! А если уйдешь – скажу отцу. И пусть... Пусть он тебя в расход, как ты говоришь, пускает.

Богданов открыл глаза еще на середине ее речи. А к окончанию, когда Аля, совершенно обессилев, опять откинулась на подушку, даже приподнялся над ней. Вздернул бровь. Прошелся по бледному изможденному лицу взглядом. Она была такой сильной, его девочка, что он иногда забывал, что и слабость ей тоже не чужда.

– Плохо тебе было, маленькая, да? – спросил и неж-

но-нежно, едва касаясь, тронул пальцами ее губы.

– Одной? Ужасно. Я, кажется, без тебя совсем разучилась.

– Ну, и хорошо. Где это видано, чтобы ты... да без меня?

– Я так двадцать два года жила, – вдруг слабо улыбнулась

Аля.

– Так это я ждал, пока ты подрастешь. Иначе бы меня точно в расход пустили, – белозубо улыбнулся Демьян. – А так еще есть шанс. Выжить.

Аля вздохнула. Зажмурилась. Повернулась на бок, так что они замерли рядышком на подушке нос к носу.

– Я тебя люблю...

Глава 17

Как и всякий сильный мужик, признавать собственные ошибки Алькин отец не умел. И хоть Кириллова мгновенно арестовали и предъявили обвинение – не в покушении на убийство, и даже не в шпионаже, смешно сказать – в отмывании денег, к Демьяну своего отношения Николай Васильевич не изменил.

Во многом, конечно, свою роль сыграло и то, что Богданов посягнул на святое. Президентскую дочку. Ясно, что у отца на неё были свои далеко идущие планы. В которые совершенно не вписывался обычный офицер. Чьи немалые заслуги перед Родиной президенту, конечно, были известны, но и они не давали никаких индульгенций.

Богданову ясно дали понять, что если он не отступит, то на его карьере военного можно смело ставить крест. А для лучшего понимания ситуации его враз отстранили от работы. Довольно долгое время оставалось непонятным, что с ними будет дальше. И если насчет себя Демьян абсолютно не парился – напугали ежа голой жопой, то за своих людей переживал. Потому что чувствовал ответственность за них – в общем, и за каждого в отдельности.

Впрочем, майор на жизнь не жаловался. Потому как он бы соврал, если бы сказал, что та вдруг стала хуже. Другой, да... Совершенно новой и ему незнакомой. Абсолютно и со-

вершенно чудесной.

Хотя был момент, когда он не то что напрягся, нет. Скорее впал в глубокие раздумья.

– Ты действительно полагаешь, что это чем-то хорошим закончится? Черта с два. Испоганишь девочке жизнь. Для неё открыты все двери. Любые возможности... Все! А что ты ей предлагаешь взамен? Жизнь на гроши в своей задрипанной однушке? Пеленки, зассанки... Ей двадцать два года, как думаешь, на сколько ее хватит?

Вот он и думал. Справедливости ради надо заметить, что у Демьяна была вовсе не однушка, а вполне приличная трешка. Конечно, самому ему не нужно было столько комнат. Квартиру он купил, чтобы вложить деньги, которые ему в общем-то некуда да и некогда было тратить раньше... И какие-никакие другие вложения были, приносящие хоть и не слишком большой по президентским меркам, но вполне стабильный доход. Но вряд ли это что-то меняло. Факт оставался фактом. Аля привыкла к совершенно другому. И он прикидывал в уме, в какой сфере ему применить свои знания, чтобы заработать и обеспечить своей женщине достойную жизнь. И, конечно, ребенку, который в ней рос изо дня в день.

Самая большая ошибка Алькиного отца заключалась в том, что тот считал, будто Демьян станет за карьеру цепляться. Тогда как Богданов, глядя на подрастающий животик и с каждым днем все сильнее наливающуюся Алькину грудь,

лишь только утверждался в мысли, что рисковать собой он больше не имеет права. Потому что она у него есть. И ребенок будет. Потому что с него достаточно крови, грязи, войны... Наелся он ее до предела. А теперь хотел обычных человеческих радостей. Хотел обжить, наконец, дом. Хотел к любимой женщине возвращаться. Каждый день, как все нормальные люди, а не неделями, а то и месяцами где-то пропадать... Хотел заниматься с ней любовью. При каждом удобном случае. Она заводила его невероятно. С самого первого дня. Если раньше Демьян еще мог списать эту невозможную тягу на бушующий в крови адреналин от подстерегающих их опасностей, то прожив с Алькой не один месяц, понял – ни черта. Он просто с ума сходил. По ней. А без нее еще больше. Потому что, как бы банально это ни прозвучало – секс с любимой женщиной – это что-то совершенно отдельное. Некое высшее благо, которое он, может быть, заслужил.

Если бы ему кто-то раньше сказал, как он раскиснет – не поверил бы. А тут... Черт. Друзья шутили, что его потеряли. А Демьян... Ну, что сказать – он теперь действительно каждый раз торопился поскорее от них отделаться, чтобы вернуться к ней. Да, Алька стремительно ворвалась в его жизнь, перевернув ее, по большому счету, вообще с ног на голову. Но она так идеально, так просто в нее вписалась, что Богданов уже и вспомнить не мог, как вообще без нее жил. Чем? За каким чертом?

Понравилась Алька и его матери. Сама по себе понрави-

лась. Но главное, тем, что из-за молодой жены Демьян отошел от дел. Конечно, в детали он не вдавался и именно так свое решение не объяснял ей. Просто сказал матери, что хочет проводить с семьей больше времени. Уже за одно только это, за то, что он, наконец, перестал собой рисковать, мать Демьяна готова была Альке целовать руки. Ну, а скорое появление внука и вовсе возвело Алю на недосягаемый пьедестал.

– Ты ей, Демьянушка, скажи, чтобы она больше отдыхала. Я, признаться, переживала, как такая молоденькая девочка будет справляться с хозяйством, но Аля – это ж чудо какое-то. Я сегодня пришла, а она шторы развешивает! Сама по лестнице скачет. И это после института! Ей нужно больше отдыхать. Ты сам, что, шторы не можешь повесить? Ей же скоро рожать...

Он мог. Собственно, так и планировалось. Но его вызвали к Князеву. И разговор затянулся.

Демьян обошел по кругу взволнованную мать и заглянул в большую кухню-гостиную. Теперь его берлога и впрямь походила на дом. И домом пахла.

– Аль, я дома.

– А чего в проходе стоишь? – улыбнулась та, активно помешивая что-то в сотейнике, от чего ее тяжелая грудь тоже пришла в движение. Демьян сглотнул собравшуюся во рту слюну. Видит бог, он всерьез решил, что не станет больше на нее взбираться. Потому что это даже неприлично! Они

женаты вот уже... почти восемь месяцев. И по календарю медовый месяц уже давно закончился. К тому же подходил срок родов. Ему нужно было как-то учиться сдерживать себя. Смешно! Ему... учиться... сдерживаться. Но ведь так и было! От его контроля рядом с ней ничего не оставалось. Тот рушился как карточный домик. А мысль о том, что после родов ему придется воздерживаться, по крайней мере, два месяца, доводила Демьяна до глухого отчаяния. И совсем уж неправильное... То, в чем он даже себе признавался с трудом – Демьяну совершенно не нравилась мысль, что в скором времени ему предстоит делить свою женщину с кем-то пока для него абстрактным. Он оказался жутким эгоистом.

– Думаю, все же тебя выпороть.

– Демьян! – ахнула за спиной мать, но Алька лишь расмеялась.

– За что на этот раз? Какую страшную глупость я опять совершила?

– На стремянку лазила? Лазила! И возле плиты опять стоишь, как будто я не могу заказать доставку.

Упреки Алькиного отца, наверняка справедливые упреки, все еще звучали у Демьяна в ушах. Но чем больше он старался оградить жену от быта, тем с большим упрямством она хваталась за любую работу. Он не знал, что с этим делать!

– Опять ты за свое?! Да мне же нравится! Как ты не поймешь? – Алька задрала руки над головой и несколько театрально встряхнула. Видя, что у них намечается спор, мать

Демьяна поспешила ретироваться. Пробормотала, что забежит на днях помочь, если надо, по хозяйству, и выскользнула за дверь. Они даже не заметили.

– Ну, что нравится? Шторки гладить? И морковку тереть? – усмехнулся Демьян Але в волосы. Они ведь и впрямь были женаты уже почти восемь месяцев, а он так и не нашел себе применения. И вроде были предложения – возглавить личную охрану одного олигарха, а у другого – службу безопасности, и деньги хорошие предлагали. А ему все казалось, что это слишком мелко. И что Аля достойна большего.

– Да! – неожиданно горячо выпалила та. – Очень нравится! И шторы гладить, и морковку тереть. Что тебя удивляет?

– Ты же совсем к этому не привычная. Ты же...

– Кто?

– Дочь президента, – повел широкими плечами Демьян, удивляясь тому, что завел эту тему.

– И много же мне это счастья принесло! Нет, это даже удивительно!

– Что именно?

– То, что ты до сих пор не понял, что мне кроме этого, – Аля обвела лопаточкой комнату, – и тебя... ничего, абсолютно ничего другого не нужно! Собственно, достаточно будет тебя одного.

– Алька...

– Ну, что? Мне, наверное, нужно было сразу это все прояснить. Но я только сейчас поняла, как ты по этому поводу

загоняешься.

– А я и не загоняюсь, – усмехнулся Демьян. – Просто хочу, чтобы ты была счастлива.

– Уже! Разве ты не видишь? Уже! Я никогда... никогда в жизни не была такой счастливой.

Стремясь делом доказать Демьяну правдивость собственных слов, Алька пылко его поцеловала. И у него вдруг так спокойно стало на душе. Так легко. Он ведь и сам замечал, как Алька меняется. Ее преобразование у него на глазах происходило. И он видел, что она становится уверенней, улыбчивей, смелее... Как, раскрепощаясь, она избавляется от страхов, вызванных произошедшим в жизни хаосом, как уходят ее кошмары. Не сразу, конечно, но постепенно. Тут и работа с психологом сказывалась, и то, что многие ее страхи они проговаривали вместе. Избавляя Альку от чувства вины, которое в ней все еще сидело. И ее совершенно неожиданная беременность тоже сыграла в плюс. Але было на что переключиться. Ведь там, где смерть – там и новая жизнь. Але вбила себе в голову, что назовет сына Михаилом. В честь погибшего Михея. И так решив, вроде бы совсем успокоилась. Иногда Демьян думал о том, что она будет делать, если родится девочка. В конце концов, пол ребенка они узнавать не стали.

– Эй-эй, милая, притормози.

– Что такое? – ословело моргнула Алька. Ее обычно прозрачные глаза сейчас были мутными от желания...

– Нам же нельзя!

– Что за глупости? Я буквально сегодня была у доктора, и он как раз советовал нам... Ну, ты понял. Я ведь уже переживаю. А это верный способ маленького поторопить.

Демьян облизал губы, отгоняя тут же мелькнувшие перед глазами картинки, чтобы на трезвую голову взвесить все за и против. Хотел даже погуглить на эту тему. Потому как, может, и правда, его сведения устарели. Но она разрушила все его планы, когда одним ловким движением расстегнула ширинку и сжала в руке подрагивающий от нетерпения ствол.

– Я осторожно, да? На полшишечки... – застонал Демьян.

– Да как угодно. Только скорее, я уже не могу...

Алька завозилась, повернулась к нему спиной. С недавних пор это была едва ли ни единственно возможная для них позиция. Сзади. Но сразу переходить к главному Демьян еще не был готов. Усадил жену на высокий барный стул, дернул вверх огромную футболку, оголяя круглый живот и налившую грудь, изборожденную голубоватыми реками вен. Молочную, с потемневшими, готовыми выполнить свою главную функцию, сосками. Втянул в рот. Алька привычно зашипела – те стали невозможно чувствительными. Выждал, давая ей время привыкнуть. Проник пальцами под резинку свободных брючек, лаская набухший вытянутый бугорок. И только потом стал их с рычанием посасывать. Выжимая в рот первые сладкие капли. Выбивая из нее звонкий крик. А уж потом, когда она зашлась вся, стащил со стула, развернул

и мягко-мягко, благоговей, в нее вошел. Казалось, беременность сделала ее еще более тесной. И ей самой, и ему в таких условиях много не надо было. Кончили одновременно.

– Как я жил без тебя? – спросил, жарким ртом скользя по выступающим позвонкам. Подрагивая от удовольствия и неизменно следующей за актом любви слабости. – Алька... – закричал, освобождая ее, вовремя подхватил, Алю здорово шатало. – Нужно было хоть до кровати дотерпеть. Что ты со мной делаешь? – сокрушался. А та только улыбалась сонно. Абсолютно не возражая, видимо, против такого бесцеремонного с собой обращения. Наверное, и впрямь ничего другого для себя не желая. И, может, именно потому, что она вообще ничего от него не требовала, он так много хотел ей дать? Так много, что всерьез задумался о предложенной ему в команде ее вдруг смягчившегося отца должности. Нет, в политические игры Демьян и теперь играть был не намерен. Возможно, тем его кандидатура и оказалась привлекательной...

– Спи, моя хорошая, – сказал он, и Алька тут же, как по команде, уснула. Впрочем, совсем скоро она опять завозилась. Встала. Сходила в туалет. Вернулась. А через пару минут встала опять.

– Что такое? – насторожился Демьян.

– Кажется, сработало.

– Что сработало? – тупил он.

– Наши упражнения! Ну, что смотришь? Рожаяю я.

– Так чего стоишь?! Одевайся быстро!

– И не подумаю. Первые роды – дело долгое. Чего мне в больнице торчать?

– Что? – открыл рот Демьян. – Ты совсем? В больницу! Быстро... Это приказ! – добавил в отчаянии, забывая, что Алька плевать хотела на его приказы. Впрочем, в этот раз она спорить не стала. Посмотрела в его глаза, понимая, что он ни за что не уступит, и, признавая извечное мужское право принятия решений, поплелась одеваться.

К счастью, они поторопились. Потому что Михаил Демьянович Богданов был еще тем торопыгой. Алька даже толком ничего понять не успела. Да и он тоже... Тоже не успел. И осознать, и принять. Всю ночь потом к кроватке сына вскакивал. Вновь пойдя наперекор отцу, который собирался, за каким-то чертом, на время ее пребывания в роддоме закрыть тот для других, Аля согласилась лишь на отдельную семейную VIP-палату.

– Ну, долго ты еще будешь кружить вокруг него? – улыбнулась молодая мамочка, лениво приоткрыв один глаз.

– Извини. Не даю тебе спать, да?

– Угу, – зевнула Аля. – Хочешь, переложи его к нам.

– А так можно? – тут же загорелся идеей Богданов.

– Не знаю. Но, может, ты, наконец, уснешь, если Мишка будет рядом.

Решение – так себе. Потому что ни черта он не уснул. Так и лежал, с изумлением разглядывая то помятое личико сына,

то ее – немного уставшее, с залегшими под глазами тенями. И удивлялся, как она, такая крохотная, родила его сына? И по-новому влюблялся уже в них обоих.

Ближе к утру о рождении у Первого первенца прознали и парни. Стали требовать это дело «обмыть». К этому времени он уже порядком надоел Альке своей опекой, и та его с радостью выгнала. И велела до вечера не возвращаться. Других из роддома выписывали практически сразу же. Но Альку оставили на положенные трое суток – наверняка пытались выслужиться.

Демьян уходить не хотел. Но раз пришлось, явился на сбор едва ли не самым последним. Обнялся с Четвертым, Пятым, Шестым и Восьмым. За столом в любимом баре не было лишь Седьмого. Тут же принесли закуски и пиво. Хотя Семен утверждал, что такое событие нужно отметить чем покрепче. О работе пока речи не заходило, все поздравляли командира с новорожденным. Шумно, весело, с огоньком. Так что никто и не заметил, как Седьмой явился. И все, кто был в баре в тот вечер, подтвердили, что он, вот вам крест, был с самого начала вечера. Как и все Тени. А что за снайпер «убрал» в тот день конвоированного в здание суда Дениса Кириллова – так и осталось тайной, покрытой мраком.

– За Михаила Демьяновича! – звонко чокаясь.

А позже – за Михея – в тишине.

КОНЕЦ

От автора: у каждого из второстепенных героев данной книги есть своя история.

«Близкие люди» – история Ярослава.

«Отпуск с последствиями» – история Кати (вдовы Второго и матери Жанны).

«Скрытые чувства» – история Князева.

«Девочка из снов» – история Исы.

«А если это любовь?» – история Родиона.

«Нулевой километр» – история Семена и продолжение ее же – «А в мечтах ты моя»